

РИТА АРДЕЯ

ИЗМЕНА

МЕСТЬ ПОДАЮТ ХОЛОДНОЙ

Рита Ардея

Измена. Месть подают холодной

«Литнет»

2023

Ардея Р.

Измена. Месть подают холодной / Р. Ардея — «Литнет», 2023

– Нам тебя не хватало, – мурлычет сестра, как кошка потираясь о моего мужа. – Присоединяйся, – лениво говорит Эйван, ухмыляясь. Возмущение пронзает меня током. – Что? – очерчиваю я губами, ибо голос парализовало. Как он смеет? За кого он меня принимает? Эйван неторопливо приближается, касается горячими пальцами моего подбородка. – Что слышала. Ты моя жена и должна подчиняться. Раздевайся. *** Брак с огненным драконом принёс мне только боль от измен и унижений, но и развода муж не даёт, угрожая забрать сына. Он думает, что ему удастся сломить меня, но я – истинный ледяной дракон, и моя месть будет особенно холодной и жестокой!

© Ардея Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1. Прелести семейной жизни	5
Глава 2 В разводе всегда виноваты двое: он и его мама	10
Глава 3 Врачебная тайна	15
Глава 4 Планы и препятствия	19
Глава 5 Холодная война	25
Глава 6 Просвет в конце тоннеля	32
Глава 7 Окно в прошлое	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Прелести семейной жизни

– Миледи... Мы не ожидали вас видеть!

Дворецкий Портрон, много лет следящий за порядком в городском доме нашей семьи, вздрагивает и пятится. Не так приветствуют внезапно прибывшую хозяйку, не так. Приподнимаю брови и решительно вхожу в дом.

Слуги собираются вокруг меня, как свора голодных щенков. Кажется, каждый готов броситься мне в ноги, но только не пустить на второй этаж.

– Миледи, разрешите забрать ваше пальто!

– Изволите чаю?

– Вы, верно, устали с пути...

Под несмолкаемое трещание горничных, экономки и дворецкого я, сохраняя осанку, плавно поднимаюсь по лестнице. Отчаяние на их лицах ясно говорит, что они готовы поступиться чем угодно и даже схватить меня за руку. Остановившись, резко поворачиваюсь, сверкнув на них морозно-голубыми глазами – единственным, что во мне остаётся от ледяного дракона.

Они отступают, сдаваясь. Но паника на их лицах непередаваема.

На второй этаж я вступаю в гордом одиночестве. Но здесь не тихо, отнюдь. Увешанный портретами родни моего мужа коридор наполнен женскими визгами. Натурально. Может показаться, что леди режут, а может, она попросту отчаянно переигрывает.

Останавливаюсь у двери спальни и прислоняюсь к ней лбом.

Что дальше?

Ведь я знала, что обнаружу в доме. По какой ещё причине муж мог так часто и надолго срываться в столицу в последние месяцы? Он никогда не пылал страстью к работе. Да и поведение слуг с порога дало понять, что мои подозрения – не просто мнительность.

Ноги почти не держат, но я нахожу в себе силы стоять. Почему я вообще мнусь у этой двери, как потерянная институтка? Ладонь ложится на дверную ручку, опуская её до щелчка.

Моего появления даже не замечают. Два совершенных тела сплелись в танце страсти. По рельефным мышцам Эйвана стекают капельки пота. Его глаза закрыты в чистом экстазе. Девушка сидит на нём, в полумраке комнаты она напоминает фарфоровую статуэтку. Идеальная белая кожа, платиновые волосы, густыми локонами ниспадающие на точёные плечи.

Девушка один в один похожа на меня, как может быть похожа только родная кровь.

Пожалуй, именно это меня и добило.

Всхлипываю и закрываю рот рукой. Второй приходится схватиться за дверной косяк – ноги меня не слушаются. Одновременно с этим комната заполняется низким мужским стоном.

– Эйван? Лисса? – сорвавшимся шёпотом зову я, не желая верить в происходящее.

Лисанна, моя любимая младшая сестра, лениво оборачивается, откидывая тяжёлую копну волос через плечо. Она смотрит на меня смешливо, как, впрочем, и всегда. Только ситуация не располагает к улыбкам.

Эйван принимает непринуждённую позу, закинув руки за голову. Одеяло едва прикрывает самое сокровенное, зато выставляет напоказ широкую мускулистую грудь, рельеф пресса с красно-рыжей дорожкой волос, спускающейся вниз. Его обнажённая кожа покрыта испариной.

Они совсем не смущены.

– Вилле! – приветствует мой муж. – Ты вовремя.

– Нам тебя не хватало, – мурлычет Лисса, похотливо потираясь телом о моего мужа.

Моего мужа!

Я задыхаюсь, хватаю ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Они, казалось, не замечают этого. Лисса, наконец, спрыгивает с Эйвана и обнажённая идёт к тумбочке, где стоит початая бутылка с игристым и два бокала. Она наполняет один и протягивает мне.

– Ну же, угрюмая старшая сестричка, расслабься!

– Присоединяйся, – лениво говорит Эйван, приподнимаясь на локтях. На его лице играет широкая ухмылка.

Возмущение пронзает меня током.

– Что? – очерчиваю я губами, ибо голос парализовало.

Как он смеет? За кого он меня принимает?

Эйван неторопливо подходит ко мне, касается горячими пальцами подбородка. В его глазах я вижу похоть, предвкушение, превосходство.

– Что слышала. Ты моя жена и обязана подчиняться. Раздевайся.

Его рука смыкается на моей шее. Пытаюсь освободиться, дёргая головой, но это не спасает от его хватки. В его глазах янтарь пополам с лавой. Эйван наклоняется и хрипло шепчет мне на ухо:

– Нужно наказать тебя за побег. Я не разрешал покидать дом.

Намереваюсь разомкнуть его пальцы и схватить ртом воздух, но Эйван и сам отпускает мою шею, только чтобы переключиться на платье. Словно со стороны я наблюдаю, как поддаётся тугой узел шнуровки.

Апатия, в которой я пробыла последние годы, тает. Я ногтями вцепляюсь в его ладонь и с омерзением отшвыриваю его руку от себя.

– Я не твоя рабыня, не пленница и не вещь! – шиплю я, отступая к двери. – Я сама решаю, когда покинуть дом, куда мне идти и, быть может, это я должна наказать тебя за измену!

Эйван приподнимает бровь, окидывая меня пылающим взглядом.

– Ничего себе! Так ты всё же можешь быть не такой холодной, как показывала мне все годы нашего брака! Всё же ты дракон, пусть и ледяной.

Лисса хихикает, игриво и наигранно.

– Ну, Вилле больше не ледяной дракон, – напоминает она, потягивая напиток из бокала.

Как будто она могла сделать мне ещё больнее. Но это отрезвляет. Я нахожу в себе все силы и гордость моего рода и отвешиваю пощёчину негодяю.

– Не смей прикасаться ко мне, – чеканю я.

Резко разворачиваюсь и выхожу из комнаты, прежде чем он успевает меня схватить. Он должен быть в гневе, но я слышу смех за спиной. Большой извращенец!

Назад, к экипажу. Резвые кони донесут меня до портала, я вернусь в поместье, соберу вещи и уйду.

– А ну стой, – рявкает муж, останавливаясь у лестницы. Я спиной чувствую его приближающийся к полу взгляд. – Ты что о себе возомнила? Что можешь слушаться моих приказов? Распускать руки? Ходить, где тебе вздумается?

Это слышат слуги, весь дом. Я замираю на середине лестницы, оборачиваюсь, глядя на него снизу вверх, как рабыня. Дурацкие ступени!

Эйван доволен.

– Умница. Не дури. Иди ко мне.

Становится холоднее. Как же мне хочется верить, что это сила ледяного дракона возвращается ко мне! Сталкиваюсь взглядом с предателем, гордо вскидываю подбородок и отчётливо произношу:

– Я – аллара Вильгельмина Игельстрём, потомок великого ледяного дракона Торгрима, мать твоего наследника. Никто не смеет указывать мне.

– Надо же, как заговорила! – хохочет Эйван. – Даже жаль возвращать тебя в реальность, но алларой Игельстрём ты была много лет назад.

– И буду снова, – киваю я и поворачиваюсь к нему спиной.

– Ладно, истери, – слышу брошенное в спину. – Поговорим дома.

От угрозы в его голосе дрожь пробирает до костей, но я больше не боюсь.

Я думала, что по пути в поместье дель Монроков эмоции чуть отпустят, но ошиблась. Сердце всё так же сжимается от боли, пальцы дрожат.

Эйван всегда говорил, что я соткана из льда, что эмоции меня не трогают. Но они все внутри. Меня годами учили скрывать свои чувства, потому что это достойно ледяного дракона. Но даже младшая сестра сегодня сказала, что я больше не ледяной дракон. Уже много лет внутренняя сила молчит. Я не могу обращаться, не могу создавать холод и лёд.

Я даже мужа не могу удержать.

От горечи кажется, что сердце вот-вот разорвётся. Но слёз нет. Ледяные драконы не плачут.

Поместье погружено в негу сна. Приподнимаю края юбки, чтобы неслышно подняться на второй этаж. Сначала соберу свои вещи, потом сына. В чемодан летит только самое необходимое. Я планирую порталами добраться до границы, а потом вернуться в Дахраар.

От мысли о родине внутри растекается тепло. Брат поймёт. Ледяные драконы не прощают предательства. Что до Лисанны... пусть говорит с ней сам.

У меня вполне хватит средств, чтобы с комфортом добраться до Дахраара. Я не собираюсь прятаться и сбегать, как будто это я в чём-то виновата. Это не побег.

Это развод!

– Вильгельмина? – слышу сладкий голос, от которого внутри всё завязывается в узел. – Куда это ты собралась посреди ночи, душечка?

На мгновение меня парализует паникой. Но я выпрямляю спину, навешиваю вежливую улыбку и поворачиваюсь.

– Аллира дель Монрок, – я чуть склоняю голову, не опускаясь до поклона, которого моя дражайшая свекровь всегда ждёт.

Мы равные. Я не обязана кланяться. Наш брак – гарант мира между ледяными и огненными драконами, я не пленница и не заложница. Но аллира Аделаида всегда была несколько иного мнения на этот счёт. Она знает, что я не могу уйти – это нарушит условия мирного договора между странами.

Но я что-нибудь придумаю. Если надо, дойду до правителей. Не я здесь должна оправдываться или лгать. Прямо смотрю в янтарные глаза огненной драконницы и холодно сообщаю:

– Ваш сын изменил мне с моей собственной сестрой. По вашим советам я закрывала глаза на многое. На интрижки со служанками и танцовщицами, на его пристрастия к азартным играм и алкоголю. Но это переходит все границы.

Она не выглядит удивлённой, скорее, её утомляет, что я вообще подняла эту тему. Её крокодильи улыбка не обманула бы даже наивного ребёнка. Она подходит ко мне, заключая мою холодную ладонь в тиски своих горячих пальцев.

– Не руби с плеча, Вильгельмина, – говорит она. – Зачем ты вообще покидала дом? Ты же знаешь, мы волнуемся, когда ты уходишь одна. Многие из тех, кто помнит драконьи войны, до сих пор агрессивно настроен к ледяным драконам.

Дело вовсе не в волнении. Единственное, что их беспокоит, это то, что я могу написать брату и рассказать, как ведёт себя мой муж. Меня заключили в клетку, но называют это заботой.

– Давай присядем, выпьем чаю, и ты расскажешь мне всё, что видела. Может, ты неправильно что-то поняла?

Я не успеваю даже ответить, как аллира Аделаида поднимает весь дом на уши. Хорошо, что не разбудили Ингвара. Мой маленький дракончик нуждается в хорошем сне. Ему пять, а значит, его внутренний дракон вот-вот проснётся.

Если выяснится, что он огненный, Эйван никогда нас не отпустит.

Мы садимся за стол в чайной комнате. Аделаида кладёт в мою чашку три ложки сахара, хотя я пью чай без него. Чтобы не смущать почтенную аллиру её ошибкой, я касаюсь губами отвратительного сиропа.

– Вилле, ты знаешь, ты мне как дочь! – говорит Аделаида с плохо сыгранной заботой. – Но твои придумки расстраивают моего сына и тебя саму! Посмотри на себя. Бледная, с кругами под глазами, тень себя прошлой!

Она пододвигает ко мне вазочку с клубничными пирожными. Я не люблю сладкое, да и от таких переживаний кусок в горло не полезет. Хотя я сутки не ела, когда до меня дошли слухи, что Эйван в городском доме проводит время не один.

Для всех я бессердечная ледышка, ведь не кричу и не плачу, когда мне больно. Но разве от этого моя боль меньше, чем у других?

– Придумки? – переспрашиваю я с горечью. – Я видела всё сама. Они приглашали меня присоединиться, аллира Аделаида! По-вашему, я должна верить свои глазам меньше, чем вашим словам?

Аллира поджимает губы, будто это для неё нечто само собой разумеющееся, но не говорит вслух. И на том спасибо. Я жду, что она начнёт оправдывать своего сыночка, но она отставляет чашку, снова берёт мою руку и проникновенно смотрит в глаза.

– Вилле, – говорит она мягко. – Ты производишь из гордого, обидчивого рода. Я понимаю, твоё воспитание говорит тебе, что такое не прощают. Но пойми: ты хочешь из-за одного поступка разрушить всё, что вы с Эйваном строили долгие годы, то, что наши страны строили ещё до того, договариваясь о вашем браке!

Я не верю своим ушам. Она, глядя мне в глаза, утверждает, что это я хочу всё разрушить! Вырываю ладонь из её рук, смотрю исподлюбя.

– Разве не ваш сын старательно рушил это с тех пор, как я родила Ингвара? Получив желанного наследника, он стал считать меня ненужной!

Свекровь щурится, как довольная кошка.

– Но ведь это правда, разве нет?

Слишком часто за этот вечер я лишаюсь дара речи.

– Зачем Эйвану холодная, скучная ледышка без силы дракона? – говорит свекровь, подливая себе чай. – Вокруг полно весёлых симпатичных девушек, которые реально заинтересованы в моём сыне. А ты... ты просто жена. Формальность, понимаешь?

– Ведь и он мне просто муж, – отвечаю, стараясь не звучать слишком резко. – Но я не прыгаю из постели в постель.

– Ну что ты сразу окрысилась, я не пытаюсь задеть тебя, Вилле! – восклицает свекровь, и впервые я чувствую её искренность. – Я говорю, как есть. Мы живём в мире, где правят балом мужчины. Без мужа ты могла бы рассчитывать на успех, будь ты могущественным драконом. Но будем откровенны, чем дольше спит твоя внутренняя сила, тем меньше шансов на то, что она проснётся. Ты пустышка, Вилле. А хочешь быть разведённой пустышкой. Тебя возьмут в лучшем случае подавальщицей в трактир, где поддатые простолюдины будут щипать тебя за выдающиеся места и свистеть вслед. Это лучше, чем закрыть глаза на выходки моего сына?

Её слова бьют, словно хлёсткие пощёчины. Я моргаю, чувствуя слёзы на ресницах. Нет, ледяные драконы не плачут!

– Он сделал это с моей сестрой, – выдавливаю я.

– Ну так выдери ей волосы! – отмахивается Аделаида. – Насыпь стекла в туфли. Спусти пар, или как там говорят у вас, ледяных? Разбей лёд?

В ушах звенит, а перед глазами пляшут чёрные мушки. Мотаю головой, сбрасывая наваждение. Снова отхлёбываю чай, но от него не становится легче, горло пересыхает только хуже.

– Ты же женщина, Вилле! – продолжает рассуждать свекровь. – Мужчины все как дети, а мы должны быть мудрее. Все изменяют, душечка, такова природа огненных драконов. Ты думаешь, мой муж, да хранит его душу вечное пламя, был мне верен?

– Да? – спрашиваю с сомнением.

Я бы не стала изменять аллире дель Монрок. Эта женщина способна сжить со свету. С трудом сглатываю слюну, припоминая, что отец Эйвана скончался при крайне загадочных обстоятельствах, с подозрением кошусь на невозмутимо наслаждающуюся чаем свекровь.

– Да куда там, – фыркает она. – У него была вторая семья на границе, куда он постоянно катался якобы по военным делам. Подрастала дочь. Но мерзавец хорошо скрывался, Эйвану и не снилось.

Она ухмыляется, затем спохватывается, осознав, что рассказала слишком многое. Её лицо снова приобретает выражение, как у добродушной жабы.

– Что же мне делать? – выдыхаю с отчаянием. Свекровь совсем не та, у кого мне хочется спрашивать совета, но никого другого здесь попросту нет.

– Выдохнуть, взвесить все за и против, подумать, к чему приведёт твоё решение, – спокойно говорит Аделаида. – Какие у тебя причины уезжать?

– Он изменяет мне и не уважает меня.

– Ерунда, право слово! Сплошные эмоции и никакого рационального мышления, а ведь говорили, что ледяные драконы славятся прагматизмом! А какие причины остаться? Первая: это политический брак, скреплённый самими императором Ристайла и ёрмунгандом Дахраара. Вторая: будучи разведённой женщиной без сил, ты либо пойдёшь по миру, либо будешь вечным камнем на шее своего брата и прочей вашей родни. Третья: подумай об Ингваре! Ему нужна полная семья.

Мысль о сыне заставляет ощутить приступ вины. С другой стороны, Эйван не то чтобы примерный отец. Он всегда гордится достижениями сына, но не очень заинтересован в воспитании.

Свекровь хитро прищуривается.

– На твоё счастье, душечка, я знаю, как всё исправить!

Она наклоняется над столом и подманивает меня пальцем, будто хочет рассказать великий секрет. Покорно подаюсь ей навстречу, чтобы послушать её гениальную мысль, но сама гоню от себя навязчивые вопросы.

Хочу ли я что-то исправлять? Может, стоит попробовать?

– Всё очень просто: вам нужен второй ребёнок!

Глава 2 В разводе всегда виноваты двое: он и его мама

Икаю от неожиданности.

– От Эйвана? – зачем-то уточняю я.

Хорошо, что Аделаида не услышала этого вопроса. Она слишком поглощена мечтами о счастливом будущем.

– Посмотри на себя: бледная, уставшая. Беременность заставит тебя расцвести! – продолжает свекровь. – Эйван сразу вспомнит, какой ты была красавицей, и интерес к тебе вернётся. Наследник у нас уже есть, так что не помешает дочурка! Я уже знаю, какие семьи можно привлечь на нашу сторону, намекая, что мы выдадим её замуж за их мальчиков. С другой стороны, второй сын для подстраховки никогда не будет лишним.

Она говорит о ещё не рождённом, даже не зачатом ребёнке, как о пешке в своей бесконечной политической игре! Судорожно сжимаю чашку пальцами. Не заботясь о приличии, я невозмутимо выплёскиваю мерзкий сироп в стоящий рядом с креслом большой цветок и наполняю свою чашку свежим чаем.

Аделаида не произносит и слова, она слишком поглощена мыслями о будущем величии семьи дель Монрок.

– У меня самой двое, это благо для рода! – щебечет она. – Были бы и другие беременности, но, знаешь, я вечно нервничала, так что с детьми у нас не слишком получалось. Для успешного зачатия нужно в первую очередь привести в порядок то, что у тебя в голове, а не переживать о всякой ерунде, как делала я!

– О ерунде вроде измен вашего мужа? – спрашиваю я, мрачно отпивая чай.

Всего лишь убрала сахар, а душная жижа превратилась в тонизирующий приятный напиток. Магия вкуса.

– Да, именно, – кивает она. – Сейчас понимаю, сколько нервов себе убила по глупости. Мужик-то погуляет и вернётся, а седые волосы и морщины останутся.

Смотрю на эту пышущую здоровьем матрону и не верю, что она когда-то могла лить слёзы из-за мужа. Может, и меня отпустит со временем?

Свекровь задумывается и смеряет меня оценивающим взглядом.

– Вы предохраняетесь? – спрашивает она в лоб.

Я чувствую краску, заливающую щёки. Слишком беспардонный вопрос. Это наше с Эйваном личное дело. Но я знаю Аделаиду, она не отстанет.

– Нет, – всё же отвечаю я.

Аделаида недовольно цокает языком.

– Для драконицы редкая удача забеременеть, – говорит она. – Иначе мы бы давно приумножились и вытеснили бы остальные расы с континента.

Она улыбается, будто её очень тешит эта мысль.

– Ну ничего! Завтра же поедem к врачу.

Покорно киваю. Я и правда чувствую себя не очень. Посетить врача стоит в любом случае.

– Два часа ночи! – восклицает она, всплёскивая руками. – Тебе нужно выспаться, душечка! Может, весь твой бледный вид от недосыпа? А ну быстро в постель!

Она дважды хлопает в ладоши, и слуги тут же начинают убирать со стола. За столько лет они так и не научились столь же беспрекословно слушаться меня.

Поднимаюсь в свою спальню. Возле кровати ещё валяется открытая дорожная сумка с наспех собранными вещами. У меня нет моральных сил думать о побеге.

Кажется, я не смогу заснуть, но засыпаю мгновенно. Это не нормальный здоровый сон, больше похоже на сонное оцепенение. И всё же я вижу сновидение.

В нём небесно-голубая драконица лежит, скованная цепями, посреди заледеневших скал. Я узнаю себя мгновенно, хоть не превращалась в дракона уже много лет. Бросаюсь к своему второму я, тщетно надеясь разбить цепи. Драконица поднимает на меня льдисто-голубой глаз.

– Предательница, – говорит она, и из её рта вылетает облако пара. – Ты не дракон.

– Я знаю, – шепчу я и падаю на колени. – Прости меня.

Но она отворачивается. Я вижу лишь острые шипы на её спине.

Даже мой внутренний дракон отвернулся от меня.

Но почему она называет меня предательницей? Разве я предавала кого-то?

Просыпаюсь, ощущая себя куда более собранной и полной решимости, чем ночью. Нет толку склеивать разбитый лёд. Настала пора нам с Эйваном расстаться.

Эйван вернулся лишь рано утром. Горничная, кланяясь в пояс, передала мне сообщение от аллора дель Монрока: немедленно явиться в его комнаты. Я не сомневаюсь, что это именно приказ. Сейчас я не намерена артачиться и показывать характер, ведь мне и самой надо поговорить с Эйваном.

Если свекровь успела донести ему, что я пыталась сбежать ночью, не миновать скандала. Или чего-то похуже. Но я не хочу прятаться и бояться. Я столкнусь с мужем лицом к лицу.

В его комнате пусто. Я слышу его голос из ванной, откуда валят клубы пара. Огненные драконы предпочитают купаться почти в кипятке. Никогда не могла этого понять. Эйван часто предлагал принять ванную вместе, но его бесило, что я моюсь в «ледяной воде» как он выражался.

Захожу внутрь и в облаках пара вижу мужа в огромной купальне и хихикающую служанку, старательно натирающую его плечи мочалкой.

Свекровь всегда говорила, что я должна радоваться тому, какой пылкий мужчина мне достался, что его «маленькие увлечения» – это совершенно нормально. Я зачем-то закрывала глаза, думая, что это часть их культуры.

Валькирии Дахраара за такое отношение отрезали бы муженьку самое дорогое, да швырнули бы на съедение снежным волкам. Но я так и не дослужилась до звания валькирии. Я просто покорная жена огненного дракона из Ристайла, имеющая столько прав, сколько даёт мне муж.

– Линда, – строго обращаюсь я.

Этого достаточно. Служанка вздрагивает и заливаясь краской. Вскочив, она кланяется мне и выбегает из ванной.

Эйван, широко улыбаясь, протягивает мочалку мне.

– Пришла потереть мне спинку? – спрашивает он игриво.

– Пришла просить развода.

Просить? Я пришла его требовать! Откуда эта слабость, откуда робость в голосе?

Эйван несколько мгновений смотрит на меня, не мигая, а затем раздаётся оглушительный хохот.

– Не знал, что ты умеешь шутить!

– Я предельно серьёзна.

Он молчит. Поднимается из воды, так что капли стекают по его телу. Оно казалось мне идеальным раньше, но сейчас мне страшно, когда он приближается. Он поднимает руку, и я инстинктивно дёргаюсь. Но он лишь отбрасывает мокрые волосы назад.

– Боишься, – усмехается он. – Знаешь своё место и осознаёшь положение.

– Мой положение не уступает твоему, – напоминаю я.

– В Дахрааре. Но тебя отдали в Ристайл в качестве гаранта мира. Наш брак – его гарант.

А ты хочешь всё разрушить?

Они с мамашей явно читают одни и те же методички «как убедить супругу не уходить».

– Я ничего не хочу разрушать. Но и жить как слепая и глухая декорация я не намерена.

Эйван проходит мимо меня, запахивая на бёдрах полотенце. Его взгляд кажется призывным, будто он думает, что, завидев его обнажённое тело, я не сдержусь и наброшусь на него.

– Ты вчера очень расстроила меня, Вилле, – он цокает языком. – Хочешь расстроить ещё больше? И не только меня. Ты хочешь расстроить правителей и довести наши страны до нового конфликта.

– Я не собираюсь больше быть твоей покорной игрушкой. Если гнев императора и ёрмунганда обратится на меня, что ж, так тому и быть. Но я сомневаюсь, что они возобновят войну из-за того, что одна из «отмеченных священным знаком мира» пар распалась!

– Надеешься, ёрмунганд простит любимой сестре нарушение дипломатических пактов?

Дёргаюсь, как от удара. Когда наш дядя умер, не оставив официальных наследников, бремя правления Дахрааром перешло к моему брату Винсенту. Меньшее, чем я могла помочь, это договориться с огненными драконами Ристайла, предложив себя в жёны, став добровольной заложницей ради мира. Я не смела жаловаться Винсу, понимая, что у него полно забот и без моих семейных неурядиц. Эйван прекрасно знал, что я не посмею тревожить брата без веской причины. Он просто не ожидал, что его новая измена покажется мне достаточно веской.

Взгляд Эйвана насмешлив, словно вместо моих слов он слышит чириканье. Он явно хочет сбить меня с толку, но получает обратный эффект. Сжав руки в кулаки, я делаю шаг вперёд.

– По условию договора от союзов ледяного и огненного дракона должны были родиться дети, несущие смешанную кровь, символы конца войны между расами. Мы свой долг выполнили. Я не обязана оставаться здесь бесправной приживалкой.

– Я тебя услышал. Дать тебе развод не проблема, – говорит он, и сначала я не верю своим ушам.

Сердце стучит быстрее. Так просто! Это было так просто!

Но следующие его слова заставляют меня дёрнуться, как от удара.

– Я даже позволю тебе навещать Ингвара иногда.

Замираю, словно громом поражённая.

– Что? Навещать?

Эйван иронично приподнимает бровь.

– А ты думала, я позволю тебе забрать моего сына?

– Это наш сын!

– Именно. Потому я не лишу его матери насовсем, я же говорю. Ты имеешь право с ним видиться. Раз в месяц тебе хватит?

Смотрю на Эйвана полными недоверия глазами. Его взгляд темнеет и становится угрожающим.

– Да, Вилле, это наш сын. Но мой наследник. И если ты думала, что заберёшь его к своим родным в Дахраар, ты жестоко заблуждалась.

Они приближается, поддевает мой подбородок пальцем, смотрит прямо в глаза и цедит:

– Если вздумаешь выкрасть его и сбежать, я найду тебя и убью у него на глазах, крошка.

– Поняла? Ты вроде понятливая, – говорит он вкрадчиво.

Первое моё желание – дать ему пощёчину, но я не хочу провоцировать его на агрессию, потому просто хмурюсь и сбрасываю его руку со своего лица.

– Ты угрожаешь мне? – спрашиваю я холодно. – Как смеешь ты...

– ...угрожать сестре великого ёрмунганда, потомку прародителя ледяных драконов и матери моего наследника, бла-бла-бла? Ха! Я посмею и не такое! – в голосе Эйвана слышится рык. – Все твои достижения, Вилле, это авторитет твоего пра-пра-прадеда, брата, нашего сына и меня самого, так что я сам могу решить, в каком тоне с тобой общаться. Я спросил: ты поняла?

Он больно хватает меня за горло и сжимает пальцы, в его глазах бушует огонь, а зрачки приобретают вытянутую форму. Я смотрю на него с ледяной яростью, осознавая, что так было всегда. Он всегда срывался, если считал, что я недостаточно покорна. Не такая, какой должна быть жена огненного дракона.

– Ненавижу, когда ты замираешь и молчишь, как ледяная статуя!

Здесь не Дахраар, здесь все мои права ограничены доброй волей моего мужа. Проклятый Ристайл, проклятые законы! Чтобы их поглотили вечные льды горных пиков!

Меня учили обращаться с оружием. Я могу прирезать Эйвана тупым столовым ножом, если захочу. Но к чему это приведёт?

Ни к чему хорошему. Тюрьма, казнь, да и убийство уже тянет на весомую причину разрыва дипломатических отношений. Так и вижу заголовки завтрашних газет: "Аристократ из Ристайла хладнокровно убит сестрой правителя соседнего государства".

Да ведь я уже не та, что была десять лет назад. Какое там хладнокровное убийство, скорее, меланхоличное затыкивание. Эйван сильнее физически, и он полноценный дракон. Женщины здесь играют иначе, чем в Дахрааре. Их оружие – хитрость. Я должна быть гибче, только тогда всё получится.

В Дахрааре меня бы осудили за такое, но правила Дахраара тут не работают. После стольких лет я, наконец, осознаю: мне нужно научиться действовать так, как принято в Ристайле.

Ледяные драконы всегда выгадывают время, подбирают тактику, чтобы ударить в слабое место. Что ж, сейчас ты услышишь то, что хочешь, дорогой. Я проиграю этот бой, но отныне начинаю с тобой войну.

– Я тебя услышала, – хриплю я, с трудом заставляя себя произнести это.

Эйван отпускает моё горло и идёт к гардеробной с совершенно довольным видом. Я потираю нежную кожу, провожая каждое его движение взглядом. В голове я судорожно ищу решение. Одно знаю точно: я не могу больше терпеть! Я и так принесла себя в жертву миру между нашими странами. Оставила академию, не доучившись, воинскую службу, амбиции... Любовь.

– Что с лицом? – спрашивает Эйван, завязывая халат. – От твоей кислой мины настроение падает. Улыбнись, Вилле.

Качаю головой. Улыбаться нет ни желания, ни сил. Эйван снова подходит, сжимает мои щёки. Я пытаюсь вырваться, но он сам отпускает меня, кинув полный сожаления взгляд.

Сожаление...?

– Знаешь, ты сама виновата, – говорит Эйван. – Ты как ледышка. Другие женщины всегда были в восторге от меня, а рядом с тобой я чувствовал себя ничтожеством. Этот гордый взгляд, эта осанка, будто ты проглотила палку!

Он презрительно кривится, будто описывает что-то отвратительное.

Я удивляюсь. Эйван никогда не говорил этого. Тру щёки, глядя на внезапно раздражённого мужа. Задерживаюсь у выхода из комнаты, неуверенно оборачиваюсь на Эйвана. Хочется сказать ему что-то. Объясниться, что я никогда не была холодна внутри, просто ледяные драконы иначе относятся к демонстрации эмоций? Сказать, что я никогда не желала показать ему пренебрежение? Но почему я должна оправдываться перед ним? Если ему казалось, что в наших отношениях что-то не так, он всегда мог просто поговорить со мной.

– Ты никуда не уйдёшь, – говорит он, заметив мой взгляд, и довольно ухмыляется. – Ты полностью в моей власти. Я мог бы превратить твою жизнь в кошмар, завести десять наложниц и пятнадцать бастардов. Но я люблю тебя. Потому прощаю и за вчерашний срыв планов, и за непослушание, и за сегодняшние бредовые разговоры.

– Благодарю, – отвечаю я с не читающимся в голосе сарказмом, быстро делаю реверанс и ухожу, едва не хлопнув дверью.

А я чуть было не начала его жалеть.

В смешанных чувствах иду в комнату Ингвара. Гувернантка уже разбудила сына, с одеванием он вполне успешно справился сам. Она как раз поправляла его одежду.

Видя меня, Ингвар радостно подскакивает и вырывается из рук гувернантки, чтобы обняться. Улыбаюсь, когда треплю светлые волосы. Ледяные драконы не привыкли показывать нежность, но вдали от дома я воспитала сына немного иначе, чем принято в Дахрааре, более открытым и общительным.

– Мама, я сам выбрал костюм! Тебе нравится?

– Так нарядно, – моих губ касается улыбка. – Мне кажется, эта одежда была рассчитана на особые случаи.

Пятилетнее чудо крутится перед зеркалом, придирчиво оглядывая одежду.

– Ну ладно, – заключает он. – Бабушка говорит, дракон всегда должен быть красив!

Он вскидывает на меня сияющие глаза, янтарные, как у отца. Сердце пронзает укол беспокойства. В любой момент в Ингваре может проснуться дракон. Если он будет огненным, мне никогда не вырваться отсюда. Но если он вдруг окажется ледяным, быть может, Эйван не захочет себе такого наследника?

– Мамочка, тебе грустно? – спрашивает сын, прижимаясь ко мне.

Такой тёплый... Нет, пусть ему и достались мои платиновые локоны, он не ледяной дракон. И нам нужно освободиться до того, как это станет очевидно всем.

Глава 3 Врачебная тайна

За завтраком я прячу напряжение и кошусь на Аделаиду, хоть и пытаюсь скрыть свои эмоции хотя бы от сына. Впрочем, ему одному здесь есть до меня дело. Но свекровь не сообщает о своей идее мужу, ровно как и не говорит, зачем именно хочет съездить со мной в город.

Пожалуй, впервые в жизни я ей благодарна.

После завтрака я отвожу Ингвара к учителю. Юный дракон должен знать этикет, географию и историю, уметь считать, а также писать, читать и говорить на нескольких языках. Ингвар ещё так мал, но у него уже целый штат учителей, которые нахвалиться не могут талантливым учеником.

Помимо этого, он должен фехтовать или владеть другим оружием и ездить верхом. Я знаю, что другие расы в ужасе от суровости драконьего воспитания, но я сама росла в таких условиях и могу с твёрдостью заявить, что без таких нагрузок энергичный юный дракон способен развалить дом и довести всю прислугу до седины всего за один день. Драконы устроены иначе, так что Ингвару совсем не повредит обилие занятий. Не зря он с такой радостью бросается к аллу Дайсону, учителю истории, и начинает со всей живостью расспрашивать его о битве на реке Колейна, о которой где-то слышал краем уха.

Уголки моих губ чуть приподнимаются в улыбке. Наверное, Ингвар – единственное, что ещё способно заставить меня улыбаться.

Закрываю дверь, оставляя сына с наставником, оборачиваюсь и вздрагиваю. Аделаида стоит прямо за моей спиной, широко улыбаясь. И как только подкралась так незаметно? Похоже, я совсем сдаю. В Дахрааре меня бы на смех подняли за такую невнимательность. Ледяной дракон никогда не подпускает врага со спины!

Конечно, Аделаида – не тот враг, от которого стоит ожидать кинжала в спину. Почтенная аллира никогда не держала в руках оружия. Она делает больно иначе.

– Доктор Дункан ждёт нас к полудню, – сообщает она радостно. – Я уже велела подать экипаж.

Киваю, понимая, что свекровь не спустит с меня глаз. Она и доктору в горло вцепится, лишь бы тот скорее сообщил, как же поместить в меня нового дель Монрока.

– Собирайся, душечка!

– Эйван не интересовался, куда мы собрались? – спрашиваю сухо.

В самом деле, на месте мужа я бы удивилась, что его жена и мать вдруг стали настолько дружны, что решили вместе выехать в город.

– Он спит. Устал после бессонной ночи, мой мальчик!

Поджимаю губы. Конечно, он очень устал всю ночь развлекать мою сестру.

Лисса... Когда-то мы были так близки. Мы дали клятву ротхен-даар, как настоящие валькирии, заплетая тонкие прядки в косу, отрезав и обменявшись ими. Мы пообещали, что умрём друг за друга, если понадобится. Что ж, это никак не противоречило тому, чтобы соблазнить моего мужа. Если Эйвана вообще требовалось соблазнять – мне кажется, Лиссе едва ли пришлось прилагать усилия.

– Ни кисни, Вилле! Будущей мамочке не к лицу морщины на лбу! – кокетливо хихикает свекровь и покидает меня. Наконец.

Мне хочется побыть одной и подумать, но я снова чувствую всепоглощающую слабость, которая мешает соображать. Давно надо было съездить к врачу, но наши бесконечные скандалы с Эйваном заставляли меня забыть о здоровье. Усилием воли выпрямляю спину и иду переодеваться. Через пятнадцать минут мы с аллирой Аделаидой уже сидим в карете, которая направляется к ближайшему порталу.

Знакомые дороги огромного парка, окружающего поместья дель Монроков, пейзажи, привычные настолько, что от них уже тошнит. Я уныло смотрю в окно, карету чуть потряхивает на дорожной кладке. Свекровь сияет, как начищенный медный таз. Уверена, в своих фантазиях она уже выдаёт мою несуществующую дочь за наследного принца, не меньше.

Наконец, вижу ворота портала. Шустрый маг в униформе мастера порталов тут же зажигает его, настраивая на нужный выход. Карета въезжает в арку, чтобы выехать уже на оживлённой улице Тамейна, имперской столицы Ристайла.

– Тебя не укачивает, родная? – спрашивает свекровь, орудуя веером.

Качаю головой, но её это мало убеждает, и она продолжает обмахивать меня. Ну и ладно. Ледяного дракона не напугать прохладным ветерком, хотя осень выдалась достаточно промозглая для мягкого ристайленского климата.

Экипаж в последний раз вздрагивает и замирает у аккуратного домика с табличкой на двери. Внутри вежливая медсестра-эльфийка Тессия провожает нас к уже ожидающему доктору Дункану. Это благородного вида немолодой зелёный дракон с седыми волосами. Не знаю, почему он покинул священный лес, где издревле обитает его род, и никогда не задавала ему столь деликатные вопросы. Но, очевидно, он скучает по родине, раз взял в помощницы эльфийку. А может, это просто совпадение, ведь все знают, что эльфы и зелёные драконы – лучшие целители.

– Аллира Аделаида, аллира Вильгельмина! – с почтением кланяется он. – Отчего почтенные леди дома дель Монрок решили посетить меня столь спешно и внезапно?

Взгляд его падает на меня, густые брови тут же хмурятся.

– Вижу. Давно вам нездоровится, аллира?

– На самом деле мы приехали с определённой целью! – перебивает его свекровь. – Вилле и Эйван хотят завести второго малыша, но что-то не выходит. Надо быстренько решить проблему с моей невесткой, чтобы она, наконец, смогла зачать!

Пока Аделаида радостно рассказывает это, я тревожно мну в руках салфетку. Я пытаюсь подать Дункану знак, чтобы он выпроводил свекровь и не позволил ей присутствовать на осмотре. Лишь бы он понял, лишь бы пошёл мне навстречу.

Тессия провожает меня в кабинет, где за ширмой я раздеваюсь, оставшись в одном нижнем платье. Дункан заходит внутрь и решительно закрывает дверь. Я облегчённо выдыхаю.

– Аллира, – говорит он, хмурясь, пока моет руки. – Вы выглядите насквозь больной и встревоженной. Что с вами стряслось?

Располагаюсь на кушетке, глядя на врача с усталой улыбкой.

– Тяжёлая выдалась неделя.

Чувствую тепло, когда широкие ладони дракона проходят над моей кожей, не касаясь её. Как всегда, доктор Дункан очень деликатен. Он чуть сдвигает брови, но я боюсь спросить у него, что показывает магический осмотр.

Он просвечивает магическим сиянием ладоней всё моё тело. Это приятное тепло, не такое, как у огненных драконов. Я даже успокаиваюсь, пока смиренно лежу на кушетке. Хочется спать. Во имя вечного льда, когда я высыпалась в последний раз?

Я расслабляюсь и погружаюсь в мысли. Они больше не мечутся по голове, как вспугнутые птицы – мне наконец-то удаётся их структурировать. Потихоньку у меня созревают варианты планов дальнейших действий, но все из них, увы, требуют помощи.

– Тессия, – слышу я будто со стороны. – Предложи аллире Аделаиде чаю.

Помощница кивает и покидает кабинет. Я провожаю её задумчивым взглядом. Кажется, доктор попросту выгнал её, чтобы поговорить со мной наедине.

– Аллира, – выдёргивает меня из мыслей Дункан. Вздрагиваю и смотрю на него, мысленно содрогаясь от страха и неизведанности. Он явно подбирает слова. – Нам нужно серьёзно обсудить ваше состояние.

Его лицо говорит само за себя. Нахожу в себе силы вежливо улыбнуться, несмотря на образовавшийся внутри плотный комок страха.

– Я чем-то больна?

Доктор хмурится ещё сильнее.

– Хотел бы я ответить на ваш вопрос однозначно, – качает головой он. – Я вижу симптомы, но не могу понять их источник.

Удивлённо вскидываю брови. Было очевидно, что со мной что-то не так. Я ощущаю себя кем угодно, но только не здоровым драконом. К тому же Дункан знает о моей кондиции, связанной с невозможностью обратиться. Чем только это ни пытались объяснить: от послеродовой тоски до привыкания к климату Ристайла.

– Разрыв моей связи с драконом может быть причиной?

Дункан задумчиво прикусывает губу.

– Боюсь, что всё это последствия неизвестной мне болезни. Есть вероятность, что вы здоровы.

– Здорова?!

– Физически, – невозмутимо продолжает врач. – Хотя, признаюсь, вам не мешало бы набрать пару килограмм. В прошлый ваш визит вы не отличались ни излишней даже для драконицы вашего рода бледностью, ни выпирающими рёбрами. Я пропишу вам варианты диет для восстановления массы тела.

Он произносит это почти ласково, как отец, журиющий неразумную дочь. Дункан садится за стол и начинает быстро писать, одновременно говоря:

– Меня беспокоит ваше душевное состояние. Вы истощены. Я бы прописал вам длительный отдых где-нибудь на горячих источниках Дахраара, посреди ледяных пустошей – мне кажется, это подняло бы ваш дух.

– Безусловно, – слабо улыбаюсь я.

– Хотя... – он замирает, задумчиво крутя в руках перо. Я чуть хмурюсь, вопросительно глядя на него.

– Доктор?

– Нет-нет, ничего. Просто мысли.

Он возвращается к записям, а я снова представляю бесконечные просторы гор и замёрзших озёр Дахраара.

Никто не отпустит меня в Дахраар. Даже в отпуск. Больше всего на свете Эйван боится, что я расскажу брату, как со мной обращаются. Я знаю Винсента: он наплюёт на возмущение императора Ристайла и расторгнет наш брак в одностороннем порядке. Императору только дай повод для нового витка обострения дипломатических отношений. А где вспыхнет первая искра недовольства, последует и вторая.

Нет, Винса втягивать в это нельзя.

Даже если бы я захотела, то не смогла бы послать даже одно письмо брату так, чтобы его не вскрыла бдительная свекровь. По условиям договора между Дахрааром и Ристайлом, от каждой страны были выбраны девы-драконы, что отправились на чужбину в одиночестве, не взяв с собой ни слуги, ни горничной – никого из свиты. На границе мы разделись до сорочек, прежде чем сделать шаг в чужую страну. Ни своего человека среди прислуги, ни артефакта-передатчика – нас тщательно проверили.

Эйван молод, хорош собой, к тому же мы были знакомы до брака ещё в Академии. Не скажу, что мы были друзьями, но всё же это лучше, чем связывать себя с совсем посторонним мужчиной.

Сначала моя жизнь казалась почти сказкой. Эйван потихоньку открывал своё истинное лицо. После первого скандала, возникшего, как утверждала свекровь, из-за моей излишней

ревнивости, мою почту начали проверять. Когда брат усомнился в искренности писем, он послал Лисанну составить мне компанию.

Как оказалось, всё это время она мечтала составить компанию вовсе не мне. Но я всё равно была ей благодарна. Без неё я бы завяла уже давно.

– Что беспокоит вас, аллира? – сочувственно спросил доктор.

Рассеянно улыбаюсь, а сама взвешиваю все за и против. Благородство и честь доктора Дункана не вызывают сомнений, но он является семейным врачом дель Монроков уже долгие десятки лет. Он предан семье мужа. Значит, я не могу обратиться к нему за помощью.

– Всё в порядке, доктор, – отвечаю я. – Благодарю за беспокойство.

Он испытующе смотрит на меня, прежде чем медленно кивнуть. Кажется, я совсем его не убедила.

– Пока мы не найдём источник вашей слабости, головокружений и проблем с превращением, я рекомендовал бы вам не нагружать организм ещё и беременностью. К тому же... – он мнётся, прежде чем сказать: – Я не уверен, что сейчас вы в принципе способны зачать.

– Я бесплодна? – тупо переспрашиваю я.

– Не совсем так, аллира. Просто вы пока не в состоянии забеременеть. Вероятно, временно.

Ребёнок... девочка с серебряными локонами и глазами цвета морской волны... Вздрагиваю, когда понимаю, что представляю такое дитя, о каком мечтала ещё в давние годы в Академии. Такого у меня не будет никогда.

– Вы так же говорили о превращении, – жёстко напоминаю я. – «Вероятно, временно вы не сможете обретать форму дракона». Я пять лет не раскрывала крыльев. Что дальше, доктор? Я с кровати встать не смогу?

Он виновато отводит взгляд.

– Позор мне, аллира, но я не понимаю причин вашего недуга.

Бесплодная невестка! Да это же позор на дом дель Монроков. Если об этом прознают, подружки Аделаиды изведут её насмешками, а я... она со свету меня сживёт. Что до Эйвана, у него будут развязаны руки притащить в дом хоть десяток официальных наложниц.

Вчера вечером мне казалось, что хуже быть не может, и вот оно! Может! Всегда надо верить в чудо!

Доктор Дункан встаёт из кресла и медленно идёт к двери. Я наблюдаю за ним, снова и снова ворочая варианты в своей голове.

– Доктор, постойте! – восклицаю я.

Он с готовностью оборачивается, словно ждал, что я передумаю.

– Я хочу попросить вас об услуге...

Глава 4 Планы и препятствия

Дункан подходит ближе, садится на стул возле кушетки, напряжённо смотрит на меня. Я всё ещё сомневаюсь, стоит ли довериться ему, но понимаю, что вариантов у меня не много.

– Мне нужно выбраться в город так, чтобы не знали ни муж, ни свекровь. Вы можете сказать ей, что мне нужно остаться у вас на некоторое время? Или что я должна посещать процедуры?

Смотрю ему в глаза, не моргая. На лице доктора отражаются сомнения.

– При всём уважении, аллира... Вы хотите, чтобы я соврал о здоровье пациента. Если это вскроется, я не найду работу ни в этой стране, ни в соседних.

– Не врете, – говорю я настойчиво. – Пропишите мне ингаляции, прогревания – что угодно.

– Я не могу прописывать лечение без показаний.

Сердце стискивает отчаяние. Глупо было надеяться, что он поможет. Пусть хотя бы не рассказывает свекрови о моей странной просьбе.

– Но я могу назначить вам повторное обследование, – договаривает Дункан. – Более долгое и тщательное. Настолько, что вашей свекрови не будет смысла ждать вас за дверью.

Вскидываю на него недоверчивый взгляд. Старый дракон невозмутим, но отводит глаза, будто ему стыдно.

– Доктор...

Не в силах выразить эмоции, стискиваю его руку в знак благодарности. Он качает головой.

– С заключением о вашем состоянии, полагаю, тоже стоит повременить до завтра. Но поймите и вы меня, аллира, – строго добавляет врач. – С дель Монроками меня связывают клятвы. Я дорожу своей репутацией, а аллира дель Монрок способна... рассказать всякое, если почувствует неладное.

– Я всё понимаю, – прерываю его я. – Я благодарна и за это.

В кабинет возвращается Тессия, на несколько секунд дверь приоткрывается и в щели я уже вижу сияющий янтарём любопытный глаз свекрови. Ей так не терпится, что даже зрачок стал вертикальным. Ну кто в такой ситуации включает драконье зрение?

Когда я, одевшись, выхожу из кабинета, Аделаида сидит на диванчике с чашкой чая с таким чопорным видом, будто это не она пару минут назад пыталась всунуть свой нос внутрь. Доктор выходит за мной следом. Выражение его лица предельно собранное, будто он собирается сообщить неутешительный диагноз, так что даже мне становится неуютно.

– Как обстоят дела? – бодро спрашивает свекровь, поднимаясь нам навстречу.

– Существуют определённые проблемы с осмотром вашей невестки, – отвечает Дункан.

Аделаида едва ли слушает его.

– Не томите, доктор! С Вилле всё в порядке? Может, им просто стоит стараться тщательнее?

Стыдливо прикрываю глаза рукой. Стараться тщательнее... Эйван растрчивает свою старательность направо и налево, впрочем, и про меня не забывает. Но я не слышала, чтобы у него были внебрачные дети.

Быть может, я просто глуха и слепа...

– Спящая магия ледяного дракона противится вторжению, – невозмутимо продолжает врач. – Боюсь, стоит опробовать более мощную магию, что потребует больше времени, чем отведено на стандартный приём. Только тогда мне удастся точно сказать, что происходит с аллирой Вильгельминой.

На миг я вижу в глазах Аделаиды пламя, то самое, что всегда выдаёт гнев огненных драконов. Мне вспоминается яростный взгляд Эйвана и его обвинения в моей холодности, которая, якобы, привела к его изменам. Внутри всё сжимается, будто предчувствуя удар, но я гоню это чувство прочь.

– Вы издеваетесь? – шипит Аделаида. – В прошлый раз таких проблем не было!

– Но ведь и обстоятельства были другими, – спокойно парирует доктор.

– Возмутительно!

– Понимаю вашу протрацию, аллира. Позвольте мне всё исправить, – Дункан кланяется.

– Ваш визит был внезапен, у меня нет большого окна между пациентами. Но завтра в одиннадцать я буду ждать вас.

– И долго это займёт? – чуть более спокойно спрашивает она. Мне чудится странная интонация в её голосе.

Доктор на долю секунды вскидывает на меня взгляд. Я успеваю как бы ненароком приложить ладонь к груди, выставив три пальца.

– Часа три минимум, – говорит старый дракон.

Аделаида выглядит по-настоящему раздражённой.

– И что вы собираетесь делать с моей невесткой?

– Провести глубинный общий магический осмотр всех органов и систем...

– Зачем? – перебивает его Аделаида. – Вам задали один вопрос: как помочь ей быстрее подарить мне внука или внучку? Зачем для этого проверять её почки или коленные чашечки?

Мне кажется, что она нервничает, пальцы с силой сжимают тяжёлую ткань юбки. Недоумённо смотрю на свекровь. Смущается и доктор Дункан.

– Аллира, – он неловко откашливается. – Если... когда ваша невестка забеременеет, подобный осмотр так или иначе придётся провести. Какая разница, сейчас или потом?

– Неужели это так необходимо?! – восклицает она.

– Это обязан сделать любой дипломированный врач, – успокаивающим тоном говорит старый дракон. – Таков протокол.

Она фыркает, выпуская из ноздрей дым. Никогда не видела её такой взвинченной. Неужели всё из-за её политических амбиций и мыслей, куда пристроить второго внука, чтобы было выгодно?

– Всё ясно, – выпаливает она. – Что ж, до завтра, в таком случае.

Она хватается меня под локоть и тащит в экипаж. Садится, достаёт веер и начинает нервно обмахиваться им, недобро щуя глаза. Я сосредотачиваюсь на мерном покачивании кареты.

– Возмутительно, – снова говорит она и косится на меня. – Тебе стоило надавить на него, Вилле, чтобы он не тратил наше время. Уверена, он просто хочет выписать счёт побольше за то, что провёл полный осмотр! В следующий раз я ни за что не пущу тебя одну. Ты даже о такой ерунде договориться не можешь!

Внутри всё холодеет. Нет, нельзя допустить надзора!

– Простите, аллира, – говорю я смиренно. – Но мы и правда вклинились в его расписание без записи. Спасибо, что в принципе согласился меня принять.

Свекровь вдруг широко улыбается, будто её посетила невероятно прекрасная идея.

– Ну ничего, мы покажем тебя другому врачу!

Этого я не предусмотрела. Чувствую, как руки сковывает льдом. Стараюсь звучать спокойно и безмятежно.

– Есть ли смысл? Доктор Дункан известен своим мастерством, к тому же работает с вами уже много лет.

– Может, он стареет? – морщится свекровь. – Теряет сноровку. Я задала ему такой простой вопрос, а он даже не может сказать, что с тобой не так. Выписал бы витаминки, да и дело с концом.

– Он просто дорожит своей репутацией и хочет сделать всё тщательно, – говорю я почти нараспев, пытаюсь успокоить непривычно нервную свекровь.

Её поджатые губы вдруг расслабляются. Она смотрит на меня с необычайным теплом и говорит:

– Ладно, что это я разнервничалась? Просто не люблю напрасную трату времени и волнуюсь за тебя, как бы ты не сильно тешила себя напрасными надеждами. Тем больнее будет разочарование, Вилле. Если за столько лет лучшие врачи столицы не поняли, что с тобой происходит, то Дункану не хватит трёх часов, чтобы понять. Охота тебе столько времени лежать на кушетке – пожалуйста.

Несмотря на её ядовитые слова, как обычно, прикрытые заботой, мысленно перевожу дух. Не факт, что мне удалось бы уговорить незнакомого врача встать на мою сторону.

– Ну ладно! – картинно вздыхает Аделаида. – В любом случае, мне кажется, сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем вчера. Надень красивое платье, подкрась реснички – Эйван и думать забудет и о твоей сестре, и о той официантке...

Она осекается, понимает, что сболтнула лишнего. Как-то слишком наигранно, если честно. Быть может, она хотела сделать вид, что это просто оговорка. Зачем? Разве мне недостаточно больно?

– Официантке...?

– Ох, что это там такое яркое? – она высовывается в окно. – Плакаты?

Осознание ударяет меня по голове дубиной. Меня утащили из дома, чтобы я не заметила очередной отлучки Эйвана. Пожалуй, даже мило, что Аделаида пытается спасти наш брак гораздо старательнее, чем сам муж.

– И что же это за официантка? – вздыхаю я, устало откидываясь на спинку сидения.

– Ерунда, – фыркает свекровь. – Разве это важно? Ты – жена, а девица эта сегодня есть, а завтра он и имени её не вспомнит.

– Откуда вы знаете о ней, в таком случае?

– Предположим, я присматриваю за Эйваном, чтобы он не наделал глупостей, – ворчит Аделаида. – Мужчины не всегда думают тем органом, которым следует. А нам не нужны сплетни о семье дель Монрок.

– Столько женщин и ни одного бастарда... – бормочу я задумчиво.

Аделаида снисходительно улыбается мне.

– Драконицам сложно забеременеть – сама знаешь, для нас это вопрос судьбы, а вот женщины других видов куда более плодovиты. Впрочем, дети от них бесполезны, они не будут драконами, так что они просто проблема, которую надо устранить.

– Проблема... – повторяю эхом. Вот так Аделаида смотрит на других людей.

– Большую часть проблем можно решить с помощью чая, – говорит она, и я вопросительно приподнимаю бровь. – Правильно подобранный чай и немного монет – вот и нет сплетен и бастардов. Не благодари.

Прикрываю глаза, пытаюсь осознать всю информацию и собрать сердце из осколков. Куда там. Слишком много раз его разбивали, так что уже и не склеить. Чем я заслужила такое отношение? Тем, что не смотрю ему в рот, скача на задних лапах? Что не набрасываюсь на него с порога, умоляя взять меня немедленно? Чего он хочет?

– Гувернантки займут Ингвара, – инструктирует свекровь, едва ли замечающая моё состояние. Или попросту пренебрегающая им. – А ты бери дело в свои руки!

Она подмигивает.

– Мы вдохнём новую жизнь в ваш брак!

Можно ли вдохнуть новую жизнь в то, что уже мёртво? И я сейчас даже не про брак: у меня нет сил спуститься с порожка кареты, куда там соблазнять Эйвана. Аделаиду надо отвлечь от её далеко идущих планов, а мне надо наконец-то подумать и разобраться в себе.

Но покой мне только снится. Ведь несмотря на то, что слуги откровенно подчиняются свекрови, хозяйкой в доме считаюсь я.

Брага надо бить его же оружием, так говорят в Дахрааре. Приходится изобразить усталость и томно свалиться на диван в гостиной, чтобы распоряжениями об обеде занялась сама свекровь. Для правдоподобности я даже прикладываю ладонь ко лбу – сама почтенная алира часто делает так, когда нужно изобразить мигрень, чтобы иметь повод весь день валяться в постели и ничего не делать.

За обедом Аделаида явно пытается увести наши разговоры в романтическом направлении, так и намекая, что нам стоит больше времени проводить вдвоём. Но мне удаётся пресечь её подработку в качестве жрицы богини любви всего одной фразой:

– Говорят, чемпионат по драгонболу пройдёт в этом году в Ристайле?

Глаза Эйвана загораются ярче солнца. Он тут же принимается живо рассуждать о тактике игры шеваллирских «Огневихрей» и о причинах, почему команда «Готенхем» никогда не обыграет их в полуфинале. Никогда не любила драгонбол, в чём Аделаида со мной солидарна. Но зато за всё время обеда у неё нет шанса и рта раскрыть.

А ведь именно она обратила моё внимание на плакаты с объявлениями, когда мы ехали домой. Мысленно довольно улыбаюсь, глядя на то, как растерянная свекровь делает вид, что ей крайне интересны увлечения сына.

Кажется, у почтенной алиры слишком много энергии, которую некуда девать. Ну так я ей помогу.

Мы ещё не покинули столовую, как я приседаю перед Ингваром, сделав вид, что нужно поправить его воротничок. Заглянув в искрящиеся янтарём глаза, тихонько говорю:

– Знаешь, бабушка сегодня жаловалась, что давно не слышала от тебя рассказов про звёзды.

И всё же во многом Ингвар похож на своего отца, увы. На моих глазах его зрачки вытягиваются, а радужки загораются ярче фонарей.

– Правда? – он опускает длинные светлые ресницы. – Мне казалось, вам скучно про это слушать...

– Ну что ты, котёнок, – я улыбаюсь. – Мы просто обожаем твоё увлечение астрономией. Да и вам нужно проводить больше времени вместе, не находишь?

– Но бабушка всё время занята...

– Сейчас не занята, видишь?

Я бросаю косой взгляд в сторону Аделаиды.

– Бабушка!

Все оборачиваются одновременно. Я поднимаюсь, победно глядя на скачущего в сторону Аделаиды сына.

– А какая твоя любимая туманность?!

Эйван спешит смыться, я же с трудом прячу ехидную улыбку.

Дети пяти лет обладают потрясающей способностью часами говорить на одну и ту же интересующую их тему, перемежая реальные факты с невероятной ерундой, что возникает из-за полёта фантазии. Каюсь, не раз я едва не засыпала, когда Ингвар рассказывал мне про уроки астрономии и то, что видел в телескопе. Да и все в доме пытаются избежать этой темы.

Потому что если Ингвар начинает рассказывать про звёзды, остановить его не может даже порция мороженого и обещания покататься на лошади...

Со свекровью на сегодня я попрощалась, совершив одновременно три полезных дела: и её отвлекла, и сына развлекла, и способствовала их общению.

Довольная собой, выхожу из столовой и отправляюсь к себе в комнату, как вдруг слышу чуть ли не мурчащий голос:

– Смотрю, ты ловко заняла всех. Неужели хочешь побыть со мной наедине?

Да что ж такое, у них с матушкой что, одно мышление на двоих, как у пчёл?!

Меня передёргивает от омерзения, когда пальцы, горячие настолько, что их жар ощущается даже через платье, касаются моей спины и начинают мягко её поглаживать. Я представляю, как эти же пальцы касались кожи моей сестры, ласкали неизвестную официантку и ещё бессчётное количество женщин. Огненные драконы гордятся любовными похождениями, количество любовниц для них – показатель авторитета. Одна из вещей, которые я так и не смогла понять и принять в Ристайле.

К чести Эйвана, сейчас он не требует близости, а, скорее, заигрывает со мной.

– Серьёзно? – спрашиваю я глухо. – После всего, что было...?

– А что было?

Не успеваю и пискнуть, как сильные руки подхватывают меня под бёдра и сажают на столешницу, повалив набок вазу с сухоцветами. Пытаюсь толкнуть его в грудь, не сильно, скорее, намёком, чтобы он сам отошёл. Я не хочу ссоры с ним, я просто хочу покоя.

Но Эйван другого мнения. Он наваливается на меня, разведя мои ноги, прижимает спиной к стене. Я почти задыхаюсь от его пламени, судорожно вдыхаю, когда он рвёт на себя ворот моего платья, оголяя кожу на шее, ещё хранящую следы от его утренней попытки меня задушить.

Мне кажется, я расплавлюсь от касаний его губ, и совсем не в смысле страсти и желания. Почему мне становится так плохо от его близости? Раньше его огонь не ранил меня. Дело в нём или во мне?

– Нет... – хриплю я, и Эйван отстраняется, глядя на меня со злым недоумением.

– Не-ет? – недобро тянет он.

Я уже предчувствую его ярость и торопливо шепчу:

– Мне больно, Эйван. Пожалуйста, не надо.

Он же не совсем животное, он должен понять разницу между пренебрежением и просьбой? Но надежда быстро исчезает. Лицо Эйвана искажается от гнева, он хватает ткань на моём плече и разрывает одним резким движением, оставляя меня в одном корсете.

– Смеешь воротить от меня нос?! – рычит он, и, прежде чем я успеваю возразить, целует меня, развязно и глубоко, сминая мои губы и игнорируя всякое сопротивление.

Его щетина царапает мою кожу. Я пытаюсь вырваться, что вызывает у него ещё большую злость. Глаза Эйвана так и горят пламенем вечного огня, которому молятся огненные драконы.

– Ты ходил к другой женщине! – выпаливаю я, когда мне удаётся на секунду вырваться, чтобы глотнуть воздуха.

Он иронично вскидывает брови, но всё же отстраняется, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы я снова могла дышать.

– Неужели ты ревнуешь? – произносит он невероятно довольный. – Не переживай, Вилле. Я никуда не ходил. Решил, что у нас как-то всё не ладится, так что нужно время с тобой провести.

– Как мило, – бормочу я, пытаюсь прикрыть платьем грудь. – Значит, вот такого отношения в твоём видении я заслужила?

– А тебя что-то не устраивает? Ты моя жена, и я хочу спать с тобой. Впрочем, да, тебя вечно что-то не устраивает! Я валил всё на темперамент ледышек, но твоя сестра...

– Так иди и спи с моей сестрой! Я не обязана всегда хотеть тебя, как кобыла в охоте! – я пытаюсь отползти от него, пока он кажется безопасным. – А теперь и вовсе не желаю тебя касаться.

Слышу рык, поднявшийся в его груди. Он пророчит гнев дракона, который я без своей силы могу и не пережить.

– А ну повтори! – рявкает он.

– Оставь это. Оставь меня, мне плохо, Эйван. Я болею.

– У тебя всегда найдутся отговорки! То голова кружится, то слабость, то мушки перед глазами! Ты не жаловалась на здоровье, когда я брал тебя в жёны!

Выпрямляюсь и смотрю в его глаза. Эйван ведь не злой. Мы были вполне счастливы когда-то. В какой момент всё пошло наперекосяк?

В таких вещах не может быть виноват кто-то один. Значит, и я совершила какую-то промашку, заставила его думать, что не люблю.

– Между нами слишком много непонимания, – говорю я, протягивая руку и касаясь его щеки. – Разные культуры, разное воспитание. Нам нужно научиться слушать друг друга.

Но он не слушает меня даже сейчас. Его губы искривляются в ядовитой усмешке.

– Признайся, ты не хочешь спать со мной, потому что всё ещё любишь его? – спрашивает он со злостью пополам с горечью.

Выразительно приподнимаю брови. Сначала я даже не понимаю, о ком он говорит, но потом до меня доходит, и я со стоном хлопаю ладонью по лбу.

– Серьёзно? Это было десять лет назад, Эйван, в академии! Первая наивная влюблённость, а о нашем браке тогда ещё даже не шли переговоры. И ты всё ещё ревнуешь? Ревнуешь меня к призраку прошлого, когда сам счастливо меняешь любовниц в настоящем!

От сорвавшейся с губ претензии перехватывает дыхание. Эйван выглядит по-настоящему разъярённым. Его глаза горят, когда он прижимает меня к стене и рычит:

– Прошрое, настоящее, будущее – неважно. Меня корёжит от одной мысли, что ты могла принадлежать кому-то другому! Ты моя, Вилле, и я готов запереть тебя в клетке, если это поможет тебе не забывать об этом!

– Другому? – переспрашиваю я, выдерживая его пылающий взгляд, хоть его прикосновения, кажется, вот-вот прожгут во мне дыру. – Я выходила за тебя невинной, ты же знаешь. Я верна только тебе.

От его смеха кровь в жилах стынет. Жаль, это не помогает спастись от его жара.

– Милая, верная жёнушка, – с наигранной лаской произносит он, оглаживая мою щёку, а затем выплёвывает мне в лицо: – Лживая дрянь!

От внезапной оплеухи моя голова дёргается, как воздушный шар на верёвочке. Я не успеваю даже осознать боль от удара, как вдруг чувствую нарастающую внутри ледяную ярость.

Глава 5 Холодная война

Эйван с недоумением смотрит на свою руку, покрытую узором инея, затем переводит взгляд на меня. Меня колотит от злости и обиды, я тяжело дышу, и вместе с тем из моего рта вылетают облачка пара. Он исходит и от горячей кожи Эйвана.

В коридоре прохладно, если не сказать морозно. Холод изрисовал стены, стёкла и даже потолок. Эйван вертит головой, недоверчиво оглядывая эту картину.

– Не может быть, – бормочет он озадаченно. – Твой дракон спит.

Пытаюсь держаться с достоинством. Чувствую, что это была лишь секундная вспышка, но ощущаю переполняющее меня ликование. Эйван ведь не знает, было это мигом или пробуждением дракона, а значит, я могу блефовать.

– Хочешь убедиться, насколько крепко она спит? – спрашиваю я, гордо вздёргивая подбородок. – Коснись меня ещё хоть раз – и я вмурую тебя в вечный лёд, так что никакое пламя его не растопит.

Моя щека горит огнём, и внутренний холод не может унять боль. Но иней на руке Эйвана тоже не спешит таять, хотя по красным всполохам на его коже я вижу, что он пытается отогреть кисть. Он не хочет показывать, что лёд причиняет ему боль, но я знаю его слишком долго, так что легко подмечаю признаки.

Я знаю, что он не извинится, но он делает шаг ко мне, непонятно, с какой целью.

– Послушай, Вилле...

Вскидываю руки в предупреждающем жесте. Эйван кривится, но не подступает ближе.

– Мы оба погорячились, – говорит он невнятно, будто слова тяжело ему даются.

– Ты назвал меня лживой дрянью. Ты ударил меня по лицу. Это называется «погорячился»?

Честь для ледяного дракона первостепенна. Я даже удар могу ему простить, но обвинения во лжи – никогда. И Эйван знает это. Вижу это по поджатым губам, по выступившим желвакам.

И я даю ему последний шанс.

– Не хочешь извиниться? Или объяснить, раз уж на то пошло. Быть может, я правда виновата перед тобой и раскаюсь, но скажи мне – в чём?

Для ледяных драконов важнее всего честь, для огненных – гордость и авторитет. И воспитание Эйвана говорит ему, что огненный дракон не извиняется. Даже если виноват.

Но если он любит меня, как говорит, должна же я быть важнее принципов?

На миг в его молчании мне чудится задумчивость. Сейчас он прокрутит ситуацию в голове и поймёт, как сильно не прав.

– Я сказал то, что думал. И оплеуху эту ты заслужила, – говорит мой муж и, смерив меня взглядом, уходит.

Остаюсь в коридоре одна, с горячей щекой и разодранным платьем. Иней переливается на стенах и не спешит таять, несмотря на то что в доме тепло – даже слишком на мой вкус, огненные драконы любят жар во всём. Пальцы покалывает от приятного, уже подзабытого ощущения магии в теле.

– Ты сделал свой выбор, – шепчу я, хоть Эйван уже не услышит.

Настало время мне сделать свой окончательно.

Моего дракона ещё можно разбудить. А вот можно ли сохранить наш с Эйваном брак? Теперь ответ для меня очевиден.

Мне нужно как следует подготовиться к завтрашнему дню. Он будет невероятно сложным.

Пытаюсь сосредоточиться, чтобы снова почувствовать ледяную силу, но тщетно. Драконница, что пришла ко мне на помощь, опять не откликается. Сердце сжимается от тоски. Лишь

на миг мне дано было снова ощутить себя драконом. Я должна рассказать об этом доктору Дункану.

Остаток дня проходит настолько обычно, что мне начинает казаться, будто я с ума сошла и придумала сцену в коридоре. И только слуги, недоумённо оглядывающие иней в коридоре, служат напоминанием о произошедшем.

Переодевшись, я спасаю Аделаиду от Ингвара, забираю сына на прогулку по парку. Он весело скачет по лужам, не жалея новые сапожки.

– Почему они не промокают? – спрашивает он с любопытством.

Усмехаюсь, понимая, что он нарочно пытался проверить, сколько выдержит обновка, прежде чем даст течь.

– Они пропитаны магией, – охотно поясняю. – Магией воды.

– Магия воды помогает от воды? – в непонимании морщит курносый носик Ингвар.

Смеюсь, когда понимаю, что это и правда звучит немного абсурдно. Никогда не задумывалась об этом, но Ингвар умеет подмечать детали.

– Забавно, но водоотталкивающее заклинание и правда создают те, кому подвластна магия воды. А с другими стихиями это не работает. От магии льда лучше всего защитит огонь, а от огня...

– Снова вода! – восклицает Ингвар, прыгая в следующую лужу. – Папа рассказывал, что во время войны гадкие водяные больше всего побили наших!

«Наших». Я стараюсь улыбаться, чтобы не расстроить Ингвара, но в душе поднимается протест.

Огненные драконы уязвимы против водных, водные имеют слабость перед ледяными, в то время как редкий ледяной дракон совладевает в бою с огненным. Драконы других стихий имеют свои силы и слабости, но они ловко избежали этого порочного круга, подобного игре в «камень-ножницы-бумага».

– Водные драконы вовсе не плохие, – говорю я учительским тоном. Не хватало ещё воспитать в Ингваре ненависть к другим расам!

– Папа говорит, они хитрые и скользкие, как червяки! И длинные, тоже как червяки! О, червяк!

Он садится и с интересом рассматривает червя, выползшего на дорожку из-за прошедшего днём дождя. Подобрал палочку, Ингвар пытается потыкать несчастное создание со словами:

– Эй, ты! Ты что, водяной дракон?

– Водный, – поправляю я машинально. – Ингвар, не мучай бедное существо!

Я объясняю сыну, что каждая жизнь ценна, и перенаправляю его энергию в сторону спасения червяка от гибели на каменной дорожке. Теперь он занят тем, что переносит всех встречаемых червей на газон.

Я же словно погружаюсь в другой мир. Воспоминания, которые не удалось оживить Эйвану своими обвинениями, вспыхивают в сознании образами, которые я так старательно гнала из головы.

Академия Семи Стихий, которая своим существованием старалась помирить всех, независимо от вида и расы, беззаботная юность, сменившаяся годами кровопролитной войны внутри Драконьего Альянса. Те, с кем ещё вчера мы учились в одной аудитории, сегодня поднимали против нас оружие. Гибель дяди и коронация Винса. Со скрипом заключённый мир, который оставил недовольными всех, что по нелепости назвали компромиссом.

И водные драконы, которые силой дипломатии пытались соединить обратно распавшийся альянс.

– Твой папа не любит водных, потому что водные и огненные драконы совсем иначе смотрят на мир, – поясняю я. – Огненные драконы ценят прямоту и грубую силу. Водные же драконы почитают ум и умение решить спор без драки.

– А ледяные, мама? – с интересом спрашивает мой любознательный малыш.

– Ледяные драконы известны честью и благородством, – говорю я с гордостью.

– Ух ты! И ты самая болгародная, да, мама?

– Конечно, – смеюсь я, хватая его за руку.

Его пухлая ладошка кажется чуть прохладной.

– Ты не замёрз? – с беспокойством спрашиваю я.

Такая температура тела нормальна для меня, но не для огненного дракона. Хватаю вторую ручонку, чтобы убедиться, что сын не простудится, но тут же одёргиваю.

Вторая ладонь на фоне прохладного воздуха кажется мне почти раскалённой.

– Не холодно совсем! – восклицает сын, недовольно вырывает ручки и дальше скачет по дорожке резвым зайчиком. Я же в недоумении замираю, провожая его взглядом.

Ведь в Ингваре скоро проснётся дракон! Неудивительно, что с ним могут происходить странности. Меня саму бросало из жара в холод, прежде чем одним прекрасным утром я смогла обратиться в маленького дракончика со слабыми тонкими крылышками.

Успокоив себя, я сворачиваю прогулку в сторону дома, пока снова не начался дождь. Служанки накрывают стол на ужин, но мне не хочется быть в компании мужа и его матери. Хочу сказать, что не голодна, и уйти, но в дверном проёме вижу мужа. В глаза сразу бросается его затянута бинтом рука.

Моя щека закрашена толстым слоем пудры, чтобы никто не видел следа от удара, но и Эйван не ушёл из нашего столкновения целым. Чувствую, как на губах расцветает улыбка. Отдаю пальто дворецкому и прохожу в гостиную, где нервный Эйван попивает что-то из стакана, стоя возле камина.

Не нужно знать его десять лет, чтобы видеть: он в ярости. В норме моя задача, как хорошей жены, утешать и успокаивать его, но мне уже всё равно. Я направляюсь в столовую.

Доктор Дункан сказал, мне нужны силы, так что я не собираюсь пропускать трапезу из-за неприятной компании.

И уже на пороге столовой меня настигает хриплое:

– Вилле.

Его приказной тон меня раздражает, и я собираюсь пройти дальше, не оборачиваясь, но Эйван опережает меня, договорив:

– Герцог Салини ждёт нас на приёме на днях, ты помнишь?

Салини – основной торговый партнёр Эйвана, так что пропустить его приём или явиться без супруги – оскорбление, которое может стоить Эйвану многого. И судя по его настроению, этот приём для него правда важен. Ведь плохое настроение у Эйвана чаще всего именно по причине неудачных сделок.

Оборачиваюсь. Вижу недовольное лицо мужа, который вот-вот готов сорваться на меня снова, и только повреждённая рука служит ему напоминанием о том, что, наверное, делать этого не стоит.

Интересно, что там, под повязкой?

Эйван явно ждёт моего отказа, чтобы получить повод выбеситься на меня снова. Но я улыбаюсь и киваю.

– Конечно. Я помню. Пойдём ужинать.

Изумление и недоверие в его глазах сменяются удовлетворением.

– Умница, – говорит от снисходительно, как обычно обращается к своим охотничьим псам.

О, любимый, ты даже не представляешь, какая я умница. У меня ещё нет чёткого плана, но я знаю точно: этот приём не забудет ни Эйван, ни Салини.

В столовую из второй двери входит свекровь, несущая большую вазу с ярко-красными хризантемами, кончики лепестков их, кажется, то и дело вспыхивают оранжевыми искрами. Аделаида настолько довольна, что напевает что-то под нос. Наверняка снова копалась в своей любимой оранжерее.

Эйван входит сразу за мной, и внимательный глаз Аделаиды сразу падает на его руку.

– Что случилось? – охает она, быстро ставя вазу на столик и несясь к своему любимому сыночку.

Мысленно ухмыляюсь, но снаружи сохраняю подчёркнуто отстранённый вид. Ну что же ты, Эйван, не пожалуешься мамочке, что жена не позволяет себя бить?

– Ерунда, поранился во время тренировки, – цедит муж и проходит дальше, мимоходом скользнув рукой по моей талии. Не то жизнь его ничему не учит, не то он считает, что моё согласие пойти на приём означает, что между нами мир и любовь.

От Аделаиды не уходит его жест. Она широко улыбается и смотрит на меня с одобрением.

Эйван думает, что наша ссора сама себя исчерпала, Аделаида считает, что я преуспеваю в восстановлении отношений с мужем – значит, их бдительность будет притуплена, а у меня будут развязаны руки для осуществления моего плана.

Стараюсь не выглядеть слишком радостной. Пусть пока что радуются они – я порадуюсь позже.

Это совершенно нормальный ужин совершенно нормальной семьи – так бы сказал любой, кто увидел бы нас со стороны.

Но быть может я недооценила бдительность свекрови. Утром следующего дня спускаюсь к карете, чтобы отправиться к доктору, а Аделаида с широчайшей улыбкой на лице уже поджидает меня внутри. По приезде мне тоже не удаётся от неё отвязаться. Свекровь проходит в комнату ожидания и уютно устраивается на диванчике прямо под дверью кабинета Дункана, невозмутимо открыв журнал.

Неужели она о чём-то догадывается?

– Вилле нужна моральная поддержка, – щебечет она, пока не сильно довольная Тессия расставляет на журнальном столике вазочки с конфетами и чайный сервиз. Думаю, медсестре не по душе роль подавальщицы, но и почтенную вдову дель Монрок нужно уважить.

В кабинет на осмотр Дункан её не пускает, так что мы можем спокойно поговорить. В данной ситуации мне видится определённая проблема.

– Из кабинета только один выход, – сокрушённо вздыхаю я. – И мы на втором этаже.

Достаю из сумки неприметный серый плащ, что стащила из шкафчика прислуги. До чего же я опустилась, ворую у горничных! Дункан тревожно наблюдает, как я сбрасываю на кресло своё украшенное вышивкой пальто и скрываю простое, но очевидно дорогое платье под невзрачной верхней одеждой.

– Что с вашей щекой? – обеспокоенно спрашивает врач.

– Ушиблась, – вспоминаю я отговорку Эйвана, потирая всё ещё ноющее место.

В глазах Дункана слишком много понимания. Он врач дель Монроков, я не могу быть с ним до конца откровенной, но он старается быть на моей стороне, несмотря на клятвы верности, которые каждый слуга даёт благородным драконам. Впрочем, в этом случае слуга куда благороднее хозяев.

– Аллира, вы же не собираетесь прыгать? – спрашивает он почти жалобно.

– У меня есть выбор?

Подойдя к окну, решительно распахиваю створку и смотрю вниз. Если прицелиться, можно прыгнуть прямо в кучу листьев, старательно собранную дворниками, и очутиться во внутреннем двореке. Нырнуть в арку – и вот она, свобода! На три часа.

– Куда же вам так необходимо попасть?

Собираюсь ответить, но Дункан прерывает меня резким взмахом руки.

– Ничего мне не говорите! – просит он. – Я клятвами связан с дель Монроками, если меня напрямую спросят о ваших делах – я обязан буду ответить и не смогу солгать. Но...

Он мнётся, не решаясь сказать что-то. Заглядываю ему в глаза, и он выпаливает:

– Я ни к чему не веду, но на Рябинной площади есть юридическая контора с самыми лучшими отзывами во всём городе. Не знаю, к чему я это вспомнил.

Не одобряет, но всё равно приходит на помощь. Благодарно улыбаюсь старому дракону, прежде чем перекинуть ногу через подоконник. Была ни была!

А ведь когда-то для меня такое было чем-то рядовым. В академии мы и с третьего этажа общежития спокойно сбегали, а потолки там были повыше.

Приземляюсь удачно. Наспех привожу себя в порядок, отряхнув полы одежды, и торопливо покидаю дворик. До Рябинной площади идти минут пятнадцать, но я планирую сократить это время.

С трудом вспоминаю, когда мне удавалось пройтись по городу одной, и бывало ли такое вообще. Чувствую себя неуютно и незащищено, но выбора у меня нет.

Указанный дом встречает меня табличкой с золочёными буквами, вензелями и дверью из массива дуба. Внутри целая куча кабинетов, а за стойкой на входе сидит энергичная особа с улыбкой, которая словно приклеена к лицу.

– Агентство юридических услуг «Додо и компания» приветствует вас! – выдаёт она заученный текст. Затем бегло осматривает мой наряд, и её улыбка гаснет так же быстро, как наступает южная ночь. – Алли, внимательнее вывески надо читать! Официанток в паб ищут в соседнем здании, здесь сидят юристы!

Плащ и синяк играют со мной злую шутку. Алли – обращение к незамужней девушке из незнатной семьи. Как лихо она с порога смогла определить моё положение! Гордо вздёргиваю подбородок и готовлюсь поставить на место нахалку, но вовремя сдерживаю себя. Нет, придётся сохранять инкогнито. У Аделаиды и Эйвана много связей, и среди высокооплачиваемых юристов вполне могут оказаться их знакомые. Не стоит кичиться своим именем направо и налево.

– И вам добрый день, – отвечаю сдержанно. – Как кстати, что я пришла сюда за услугами юриста, а не работать в пабе.

Она насмешливо выгибает бровь и расплывается в ещё более широкой улыбке, в которой вполне умело скрывает презрение.

– Наше агентство славится своим добрым именем! У нас работают лучшие специалисты, услуги которых *не дешёвы*.

Меня приняли за безработную, а теперь намекают, что мне не по карману юрист. Ну ладно, моя гордость привыкла получать удары побольнее.

– Думаю, я смогу оплатить услуги ваших специалистов, раз пришла сюда.

– Как скажете, алли, – цедит она.

Хотя бы не попросила показать деньги. Такого унижения я бы точно не выдержала, да и отчитала бы невоспитанную девицу. Быть может, у них лучшие юристы, но вот секретаря стоило бы поменять.

– По какому вопросу вы хотите обратиться к нам?

Что-то внутри меня сопротивляется, не желая произносить то, что собираюсь. Вдыхаю, успокаивая нервы, стараюсь не обращать внимания не насмешливый взгляд алли за стойкой.

– Я хочу развестись с мужем и получить опеку над нашим ребёнком.

Чувствую, как меня наполняет облегчение, словно я пересекла невидимую границу. И даже взгляд секретарши не заставляет меня опустить плечи.

– Что может быть проще! – хихикает она. – Езжайте в Дахраар или в Вайшну, там суды очень любят оставлять детей матерям! Говорят, там и мужа жён не бьют, вот и проверите заодно, для вас это явно актуально!

– А вы со всеми клиентами общаетесь столь бесцеремонно? – спрашиваю я, примораживая её взглядом к полу. – Или только с теми, кого считаете недостойными уровня вашей конторы? Мои деньги не так хороши, как деньги аллир из Верхнего города?

Она осекается и недовольно поджимает губы.

– Ваше начальство знает, что вы ввели конкурсный отбор для клиентов? – продолжаю давить я.

– Я просто посочувствовать хотела, – ворчит она, закатывая глаза. – Дело-то проигрышное, но раз вам охота деньги тратить, то на здоровье.

Она быстро листает магическую книгу, пока не останавливается на нужной странице. Коснувшись серебристого текста рукой, она, не глядя на меня, цедит:

– По коридору направо, тринадцатый кабинет. Алл Мэйвиз примет вас.

– Благодарю, – степенно киваю я, но устаиваюсь лишь фырчка в спину в ответ.

Тринадцатый кабинет оказывается в тупике коридора. Его дверь кажется гораздо более простой и потрёпанной по сравнению с лакированными резными дверями кабинетов других юристов. Я начинаю подозревать неладное.

Стучусь, и дверной косяк тут же отваливается от стены и с печальным стуком грохается на пол.

– Что, опять?! – слышу мученический стон внутри.

Дверь распахивается, чуть не сбивая меня с ног, и являет моему взору лохматого юношу с золотисто-каштановыми волосами, торчащими во все стороны, словно пучки перьев. Его костюм помят, будто он заснул за столом, как безалаберный студент.

– Я же говорил, в коридоре не громыхать, у меня то дверь отваливается, то косячаяя...

Завидев меня, он впадает в ступор, так и затянув последнюю гласную в своей фразе. Выразительно приподнимаю брови, и это, как ни странно, помогает вывести его из оцепенения.

– В туалет надо было налево по коридору идти, – сообщает он озадаченно.

– Буду иметь в виду. Но мне нужен алл Мэйвиз.

Золотистые глаза распахиваются в недоверии.

– Правда? – спрашивает он, а затем хватая мою руку и с азартом трясёт. – О, вы не пожалеете, аллира! Сэмюэль Мэйвиз к вашим услугам!

Если честно, я уже жалею. Может, стоило всё же раскрыть, кто я, чтобы мне выделили юриста посolidнее? Юнец приглашает меня в кабинет с поклоном, и я прохожу внутрь, любуясь витающей в воздухе пылью и маленьким зарешёченным окном. Похоже, раньше этот кабинет был чуланом для швабр.

– Вы называли меня аллирой.

– Разумеется, разве не так обращаются к замужним благородным леди? – удивляется он, перемахивая через стол, чтобы сесть в потёртое кожаное кресло. Иначе до него просто не добраться: стол по ширине примерно равен комнате.

Брезгливо присаживаюсь на стул и с интересом смотрю на парня. Юн, наивен, недавно выпустился из университета. Золотые глаза почти не моргают, движения быстрые, как у хищной птицы. Передо мной грифон, едва вышедший из возраста птенца.

– Алли на входе не посчитала меня благородной.

– Аника? Ой, да она слепая! – восклицает Мэйвиз, эмоционально размахивая руками.

– У вас из-под полы плаща виднеется край платья, ткань дорогая, сразу видно, и вышивка сделана вручную. Осанка идеальная, очень ухоженные волосы и кожа – вы точно из богатой семьи. Зрачок не идеально круглый, словно вот-вот готов вытянуться – вы дракон. Радужка отдаёт внутренним льдистым сиянием – вы из Дахраара. Туристка вряд ли будет искать юриста,

значит, вы живёте здесь. Из ледяных драконов у нас живут только те, кто женился по договору альянса. Значит, вы жена либо аллора дель Монрока, либо аллора Брисби. Но семья Брисби живёт далеко от столицы и редко бывает здесь. Таким образом, я рад познакомиться с вами, аллира Вильгельмина дель Монрок!

По мере его восторженной речи моё лицо вытягивается.

– Вы... удивительно наблюдательный юноша.

– Зовите меня Сэм!

– Непростительная фамильярность.

– Ой, – его щёки вспыхивают. – Простите, аллира! Я с драконами нечасто общаюсь, тем более с ледяными!

Задумчиво оглядываю это подобие кабинета. Мэйвиз заметно смущается.

– Не подумайте плохого, аллира. Все хотят себе юриста-дракона, чтобы с опытом лет в сто, вот мне и не дают никаких дел. Но я университет с отличием закончил!

– У вас нет опыта работы, – подытоживаю я.

Он стыдливо отводит взгляд.

– Нет. Но! – глаза его снова вспыхивают золотыми искрами. – У меня есть кое-что получше! Я не заскорузлый замшелый дракон, который не готов браться за рискованное дело! Я открыт для свершений! А по вам, аллира, сразу видно, что работа предстоит деликатная!

Мальчик сначала показался мне не от мира сего, но кажется, он вовсе не дурак. Хотелось бы верить, что в своём деле он такой же скрупулёзный, как в разглядывании качества вышивки на моём платье или изъянов кожи.

Что-то подсказывает мне, что он заслуживает шанс. К тому же, он совершенно прав: драконы могут добавить мне проблем, а не решить их. Для них я чужачка из Дахраара, а мой муж – уважаемый уроженец Ристайла.

– Алл Мэйвиз, – обращаюсь я, и он чуть не подпрыгивает на месте от предвкушения. – Я вверяю вам свою судьбу. И боюсь, что против вас будут лучшие юристы Тамейна. Нет, всего Ристайла.

Глава 6 Просвет в конце тоннеля

Никогда нельзя врать своему врачу и юристу. Врач уже оправдал оказанное ему доверие, так что и юристу решаю выложить всё без утайки. Конечно, без слишком интимных подробностей.

Сэм слушает меня, сложив пальцы ромбиком, не перебивая. Кажется, за время моего рассказа он даже ни разу не моргает. Когда я замолкаю, он ещё некоторое время сидит, задумчиво глядя в одну точку.

– Законы Ристайла консервативны и патриархальны, – наконец, говорит он, пальцем катая перьевую ручку по столу. – Есть вероятность, что вам проще будет схватить сына и улететь в Дахраар, где вы спрячетесь под протекцией своего брата.

Быть может, это и правда было бы проще. Если закрыть глаза на вероятный скандал между императором и ёрмунгандом и новое обострение отношений между нашими расами. Ну и самое главное.

– Есть ещё одно обстоятельство, – говорю я. – В дракона превратиться я не могу.

Сэм сочувственно приподнимает брови.

– Хорошо, что вы это сказали, аллира. Ваш муж явно будет использовать этот довод в суде. И, скажу вам, довод это весомый. Оставить ребёнка с матерью, которая не сможет его защитить?

– Что же мне делать? – спрашиваю, душа отчаяние. – Врачи не понимают, в чём дело. Мой дракон проснулся вчера в первый раз за пять лет, и так же внезапно уснул обратно.

Мэйвиз настораживается.

– В каких обстоятельствах он проснулся?

– При драке, – коротко отвечаю я, не желая вдаваться в подробности. Спасибо, Сэм не удивляется, что почтенная аллира так просто говорит о драке, будто для неё это ежедневная рутина.

– Да, ваша щека... бросается в глаза. Но если засвидетельствовать это у врача – это будет доводом в суде.

Внутри меня всё протестует. Сознаться перед миром, что меня бьёт муж, а я покорно сношу это? В Дахраар я могу больше не возвращаться после такого. Я буду позором для своего брата.

Сэм видит моё возмущение, но не комментирует.

– Я могу ошибаться, – неуверенно тянет юрист, – но, быть может, вам нужно потренироваться?

Вопросительно смотрю на грифона, ожидая, что он продолжит мысль.

– Я в детстве любил слушать про валькирий Дахраара, – говорит он, с трудом скрывая восторг. – Двенадцать лучших воительниц, советницы ёрмунганда, воплощение свободы!

– Я должна была стать валькирией, – киваю я, всё ещё не понимая, к чему он клонит.

– Быть может, после переезда в Ристайл вы просто затосковали по копыю и хорошему сражению?

Это звучит так абсурдно, что я смеюсь. Сэм тут же нахохливается, как недовольный воробей.

– Да почему нет? Если вы всю жизнь провели в сражении, то не будет ли корсет вас потихоньку душить, пока вы совсем не потеряете вкус к жизни и не ляжете? Вы бы съездили в Академию, да и попробовали бы этот вариант! А там, может, вам бы подсказали что-то другое. Не зря в ней самая большая библиотека на континенте! Может, там есть что-то про неведомую драконью хандру?

Слова Сэма заставляют меня задуматься. Вообще-то в них есть рациональное зерно. Да и в Академии я не была десять лет. С тех пор как позорно сбежала под покровом ночи...

Вздыхаю и качаю головой.

– На поездку в академию потребуется минимум три дня. Мне никак не скрыть от семьи такую долгую отлучку. Они начнут задавать вопросы, узнают о моих планах, и тогда меня попросту запрут дома.

– Это нарушение конституционных прав! – подсказывает гордый птах. – Согласно третьей статье конституции Ристайла никто не имеет права посягать на свободу...

Он осекается, когда ловит мои ироничный взгляд, и деловым тоном сообщает:

– В любом случае, аллира дель Монрок, я готов взяться за ваше дело. Подготовить документы для развода и найти доводы, подкрепляющие ваше право забрать ребёнка к себе. И если вас запрут, я засвидетельствую этот факт и приложу его в качестве аргумента против передачи опекуна вашему мужу. Ведь человеку, который нарушает права своей жены, никак нельзя доверить воспитание ребёнка.

Из его уст клишированная юридическая речь звучит так комично, так что я не сдерживаю улыбки. Быть может, я совершаю ошибку, которая будет стоить свободы мне и моему сыну, но я протягиваю руку, чтобы обменяться рукопожатием с Сэмом.

– Благодарю, алл Мэйвиз. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

Грифон оставляет в моей ладони картонный прямоугольник. С любопытством смотрю на простую визитку с тонким магическим узором. Казалось бы, простая картонка, но я знаю, что это дорогая вещь, даже слишком, и удивлённо вскидываю брови.

– Агентство подарило десять визиток, когда меня взяло по протекции ректора, – смущённо поясняет Сэм. – Наконец-то хоть первая нашла своего владельца.

Улыбаюсь, а сама раздумываю, успею ли зайти на почту. А главное, стоит ли? У брата есть дела поважнее, чем решать мои проблемы. И всё же...

– У меня будет ещё одна просьба, на всякий случай, алл Мэйвиз, – говорю я, ловя серьёзный взгляд грифона. – Если я вдруг перестану выходить на связь, передайте послание вот на этот адрес.

Я быстро пишу короткое письмо и заворачиваю листок пополам. На бумажке по памяти вывожу адрес тайной квартиры шпионской службы Дахраара, чтобы те передали письмо Винсу, если потребуется.

Судя по блестящим глазам Сэма, он понял, насколько важна моя просьба, а учитывая его догадливость, уверена, он уже догадался, кому отправится письмо в случае чего.

Мы договариваемся, как будем связываться, после чего прощаемся. Накидываю капюшон и покидаю агентство, чтобы той же дорогой вернуться к Дункану. Приходится подтащить к окну лестницу и постучаться в раму, чтобы дракон, уютно читающий книгу в кресле, открыл мне. Внутри я устало валюсь на кушетку.

– Вылазка была удачной? – спрашивает доктор.

– Хотелось бы верить, – уклончиво отвечаю я и задаю волнующий меня вопрос: – Как думаете, в библиотеке Академии Семи Стихий может быть информация о моём недуге?

– Думаю, в ней можно найти информацию о чём угодно. Вопрос, как долго придётся искать.

Задумчиво киваю. Быть может, не зря я так часто вспоминаю академию в последнее время?

– Доктор. Вчера моя сила на миг пробудилась.

Его лицо разглаживается, пока он продолжает быстро записывать что-то.

– Надеюсь, это первый звонок перед возвращением вашего дракона, – улыбается он.

Хочется верить, но я ощущаю, что это не так. И всё равно улыбаюсь и киваю Дункану.

Когда мы выходим из кабинета, свекровь всё так же сидит на диване, стережёт двери. Завидев нас, она вскакивает.

– Ну как прошёл осмотр? – спрашивает она воодушевлённо.

– Мой диагноз – нервный срыв, – уверенно говорит доктор, и я даже оборачиваюсь на него от неожиданности этого заявления. – И пока душевное состояние вашей невестки не будет приведено в норму, можете даже не заикаться о детях.

– И как же его лечить? – озадаченно моргает Аделаида.

Доктор Дункан уже протягивает ей листок, который держал наготове.

– Вот мои рекомендации, – говорит он бодро. Под его напором даже Аделаида теряет. – Траволечение и полный покой. Вам стоит посетить аллару Веспулу Хейз, профессора Академии Семи Стихий. Она ведущий специалист в области алхимии и траволечения, так что с лёгкостью поставит аллиру Вильгельмину на ноги.

Свекровь придирчиво изучает исписанный листок, щурясь.

– Что здесь написано? Каракули какие-то, – бормочет она. – Я стародраконий учила, должна вроде понимать, но...

– Вы получали классическое образование, как и я, а это новшество. Фармацевты с недавних пор используют вместо стародраконьего эльфийский для записей формул лекарств, – терпеливо поясняет Дункан. – Но Веспула отличный аптекарь, она без проблем прочтёт рецепт.

Круглыми глазами смотрю на врача, который дарит мне короткую, едва уловимую улыбку. Даже без моей просьбы он всё продумал и подарил мне билет на спокойную поездку в Академию.

– Я уверена, есть и другие способы тебя подлатать! – громко негодует свекровь, пока карета несёт нас до портала. – Придумал ещё, траволечение!

– Вы сами говорили, что всё можно решить, правильно подобрав чай, – напоминаю я невинным голосом.

С удовлетворением отмечаю, что это приводит свекровь в бешенство. Она с силой стискивает веер, а затем улыбается мне одними уголками губ.

– Конечно. Так я и говорила. Но я могла бы и сама справиться с этой задачей! Кто такая эта Веспула?!

С языка рвутся слова: «Если вы можете мне помочь сами, почему не делаете этого?» Но мне не нужно вызывать подозрения у свекрови. Пусть думает, что я покорна, и не шевелится раньше времени, пока Сэм готовит документы, а я ищу лекарство.

Веспула Хейз... Так вышло, что я прекрасно знала эту ведьму из рода людей, она училась на курс младше меня, а теперь, выходит, стала профессором. Приятно будет встретить в Академии знакомое лицо. Приятельница из прошлого охотнее поможет, а может даже захочет рассказать что-то об общих знакомых.

Впрочем, лучше не ворошить прошлое – оно может напомнить о себе острой болью.

– Доктор Дункан доверяет ей, – говорю я степенно. – Значит, она хороший специалист.

– Неужели хороших специалистов нет в других местах, поближе к Тамейну?

– А чем вас не устраивает величайшая академия альянса? – удивляюсь я.

Лицо Аделаиды расплывается в типичной для неё жабьей улыбке, она снова пускает в ход веер.

– Путь неблизкий, а ты так слаба, моя девочка. Ладно, обсудим это с Эйваном.

От её слащавого обращения меня передёргивает, но я сохраняю вежливую благодарную улыбку на лице. Как же сложно притворяться! Это не в природе ледяных драконов. Всех, кроме Лисанны. Она всегда умела обманывать с кристально-чистыми глазами, Винс даже прозвал её «хрюшкой-хитрюшкой». Наверное, давно стоило насторожиться.

Дома дворецкий поместья, алл Кендлик, помогает мне снять пальто. Я сразу же уверенно направляюсь к каминной зале – обычно Эйван любит сидеть у огня, когда не занят.

– Куда же ты, душечка? – восклицает Ариадна, судя по звуку, путаясь в собственном пальто. – Ты к Эйвану, вот так с порога? А обед? погоди!

Почему ей так важно задержать мой разговор с мужем? Или она просто не хочет его пропустить ввиду своей любопытной натуры?

Аделаида почти бегом настигает меня и пытается схватить за рукав, но я легко уворачиваюсь и прохожу в комнату. Здесь очень жарко, Эйван стоит у камина, вытянув руку над самым огнём. Открывшаяся дверь заставляет его дёрнуться, он с ругательствами отворачивается к окну, чтобы завернуть руку в ткань, но я успеваю заметить отблеск льда.

Отблеск льда? Откуда? Больше суток прошло с нашего скандала!

Наверное, просто показалось.

– Тебя не учили стучаться? – рычит Эйван.

Его мама влетает следом, всё же хватая меня за локоть и начинает тараторить:

– Прости, что отвлекли, сынок, мы уже уходим!

Отвлекли от чего, разглядывания огня? Я пытаюсь вырвать руку из цепких пальцев Аделаиды, но она словно окаменела, да ещё и сверлит меня пылающим янтарным взглядом.

Эйван поворачивается. Его рука снова спрятана под повязкой. Он смотрит на нас с уставшим покровительственным раздражением, как на надоедливых, но очень верных слуг.

– Это общая зала, в её двери стучать нет необходимости, – говорю я спокойно. – Эйван, я пришла поговорить с тобой. Мне нужно уехать.

Он скучающе смотрит на огонь.

– Всего ничего осталось до приёма у Салини. Я говорил, что ты обязана быть со мной, и ты обещала, что пойдёшь.

– Я вернусь до него, мне нужно всего три дня.

Эйван колеблется, но я знаю его достаточно хорошо – он склонен согласиться. Наверное, думает, что это поможет нам помириться, или так выражает благодарность за согласие пойти на приём.

Но никогда не стоит забывать о присутствии Аделаиды.

– Вилле собралась наведаться в вашу Академию! – тараторит она бодро. – Весьма разумное решение, ведь там ей явно смогут помочь с её недугом, да и она сможет *встретиться со старыми друзьями*, правда, здорово?

Успеваю удивиться её словам, мне казалось, она была против. Но затем понимаю, что сказано это было не просто так. Ноздри Эйвана раздуваются, зрачки вытягиваются, а радужка полыхает огнём.

– Никогда! – рычит он, и стёкла звенят от драконьего голоса. – Ты не вернёшься в Академию никогда, поняла?!

– Но почему? – теряюсь я.

– Потому что я твой муж, и я так решил!

Исчерпывающе. Краем глаза замечаю довольную улыбку Аделаиды. Она ласково гладит оборку моего рукава – интересный способ поддержать. Как всегда, она пытается смягчить слова Эйвана в своей манере:

– Видишь ли, Вилле, знатная дама не может отправиться в такое путешествие без дуэньи или спутницы соответствующего статуса. Но мне такой далёкий путь не по плечу – столько порталов! А подруг тут ты так и не завела.

– То есть если бы у меня была спутница, вы бы меня отпустили? – переспрашиваю я, но мысленно понимаю: шансов у меня нет. Огненные драконицы не желали заводить со мной дружбу, а вызывать кого-то из Дахраара затруднительно.

Конечно, была Лисанна, но это был тот редкий случай, когда я предпочла бы общество свекрови.

– Разумеется, – цедит Эйван. – Отпускать тебя одну – удар по авторитету семьи. Благородной леди не полагается ездить одной. Но раз у тебя нет спутницы, то придётся сидеть дома, пока я или мама не решим отправиться в Академию сами.

Никогда. Это значит «никогда». В довольных глазах Эйвана я ясно читаю этот ответ.

Прежде чем я успеваю ответить, по дому разносится трель магического колокольчика. Кто-то стоит на пороге.

– Мы ждём гостей? – рывкает Эйван, направляясь в холл. Его мама тут же семенит следом.

Что ж, пойду и я. Быть может, мне удастся заставить их продолжить этот разговор.

Кендлик стоит возле распахнутой двери, от которой веет сыростью и дождём. Дворецкого словно разбил паралич. Две горничные жмутся друг к другу с краю комнаты, вытягивая шеи, чтобы увидеть непрошенного гостя.

Это, несомненно, женщина. Она сбрасывает с лица чёрный бархатный капюшон, рассыпая капли дождя, и оглядывает всех собравшихся.

Аделаида ахает, у Эйвана выступают желваки, а мне хочется истерически смеяться. Кажется, шахматная доска повернулась к игрокам причудливой стороной.

– Руби?

Старшая сестра Эйвана стоит на пороге родного дома и медленно обводит всех насмешливым взглядом. Её янтарные глаза становятся чуть дружелюбнее, когда взор касается меня. Красновато-рыжие волосы примяты от сырости, но в целом это всё та же Руби: от роскошной фигуры, что свела с ума не одного кавалера, до родинки под пухлыми губами, из-за которой её красоту часто называли порочной.

Если Лисанну всегда сравнивали с ангелом, вестником света, Руби называли демоницей. Тот, кто узнавал их поближе, быстро осознал, что дело обстоит как раз наоборот. Нет никого вернее и добрее огненной драконицы.

В холле повисает немая пауза, и я первая спешу к лучшей подруге, с которой провела не один счастливый день как в академии, так и в доме дель Монроков.

Она заключает меня в крепкие объятия, затем отстраняет и критично осматривает.

– Ну ты и отошала, Вилле! Никто не следит за моей невесткой, что ли? – негодует она, строго глядя на мать и брата. Пока они в оторопи, Руби невозмутимо продолжает наседать: – Почему меня никто не встретил? Я тащила эти проклятые чемоданы на своём горбу!

– Рубия, – оживает Аделаида. – Мы не ждали тебя.

– Опять игнорировали мои письма? – спрашивает Руби, деловито пихая мокрый плащ в руки Кендлика. – Иногда мне кажется, вы только и ждёте, пока я сдохну на границе!

Она заливисто хохочет, что заставляет Эйвана и Аделаиду нервно переглянуться, с трудом навешивая на лица натянутые улыбки.

– А у нас будет что-то типа обеда? – доносится её голос уже из гостиной.

– Ой, тётя Руби приехала! – слышу восторженный вопль Ингвара.

– Мапочки, как ты вырос, мой любимый племяш! Иди сюда, защечочу! А что тётя тебе привезла?

– Ух ты, настоящий кинжал!

Мы с Аделаидой наперегонки мчимся в гостиную, чтобы уберечь юного дракона от подарков боевой тётушки. Дом наполняется шумом и смехом, а я впервые за долгое время вдыхаю свободно.

Вечером, когда я уже поцеловала Ингвара на ночь, возвращаюсь в свою спальню и вижу отблеск янтарных глаз раньше, чем успеваю зажечь свет. Руби забралась на постель с ногами и требовательно смотрит на меня.

– Рассказывай! – восклицает она.

– Я? – переспрашиваю недоверчиво, присаживаясь рядом. – Руби, мы не слышали от тебя новостей полгода! Аделаида уже ждала похоронку!

– Ой, пусть не надеется, – фыркает Руби. – Она всё думает, что моя смерть смоет позор с семьи.

– Всё вовсе не так, – вздыхаю я. Руби иронично поднимает брови.

– Так или не так, а дочь, выбравшая военную службу вместо замужества – пятно на лице любой приличной семьи в Ристайле. Молчу уже об иных обстоятельствах!

– Ты бы куда лучше прижилась в Дахрааре.

Она поджимает губы, отворачивается, сминая край платья.

– Нет, в Дахрааре меня тоже не ждут.

Неловко замолкаю. Я никогда не спрашивала, что произошло между Руби и моим братом – это слишком личное. Но нельзя не заметить, сколь глубокие раны они оставили друг другу. Их отношения давно позади, но Руби предпочла не выходить замуж, а Винс так и не женился, несмотря на то что страна ждёт наследников.

Спешу перевести разговор, чтобы не мучить Руби мыслями о прошлом. Я знаю, какими они могут быть тяжёлыми.

Не знаю, как это происходит, но мирная беседа заканчивается тем, что я изливаю Руби все свои горести. Она внимательно слушает и про обострение болезни, и про ссоры с Эйваном, и про измену, которая перечеркнула для меня всё.

Когда поток слов иссякает, Руби молча встаёт и направляется к двери.

– Куда ты? – недоумённо спрашиваю я.

Она поворачивается, и в свете ночника блестит лезвие ножа.

– Как куда? – изумляется она. – Иду отрезать своему брату...

– Руби!

– Руби отрубит, не переживай.

Мне еле удаётся остановить её, но вот утихомирить её гнев не под силу и вечным ледникам Дахраара.

– Лисса! – громко возмущается Руби. – Да я помню её подростком! Как мог он затащить её в постель? И ты ещё удерживаешь меня от справедливой кары!

– Постой, сейчас важно другое, – торопливо шепчу я. – Мне нужно в Академию, но по какой-то причине и Аделаида, и Эйван жутко не хотят меня туда отпускать.

И снова иронично приподнятые брови.

– По какой-то причине? – переспрашивает она, чуть не хохоча. – А ты не знаешь?

Озадаченно хлопаю глазами.

– Ты правда не знаешь, – хмыкает Руби. – Ох, это будет весело.

– Ты говоришь загадками.

– Ладно, расслабься: я поговорю с матушкой и братцем так, что они готовы будут сами доставить тебя в Академию, лишь бы ты забрала меня с собой на пару дней. А теперь, с твоего позволения, я отправляюсь спать. Так спешила домой, что даже не отдыхала по пути толком.

Она потягивается, словно в подтверждение своих слов. Я снова непонимающе шурю.

– С чего ты вдруг так спешила? Мне казалось, тебе хорошо на морской границе.

– Драться с пиратами невероятно интересно! – оживлённо кивает она. – Но когда мне пришло послание о том, что мою лучшую подругу нужно срочно спасать, я тут же оставила все дела и примчалась.

– Послание...?

– Да, интересное письмо. После твоего рассказа я не совсем уверена, кто его послал и почему. Не вяжется что-то.

С загадочной улыбкой Руби вытягивает из рукава сложенное вчетверо письмо. Я беру его, разворачиваю и читаю:

«Вилле совсем плохо, в ней нельзя уже узнать ту драконицу, с которой ты плечом к плечу билась во время драконьих войн. И чем дальше, тем хуже. Если ты не приедешь в ближайшее время, боюсь, она совсем сляжет. Ей нужна твоя поддержка».

Теперь и у меня в голове многое не вяжется. Ведь это несомненно почерк...
Лисанны.

Глава 7 Окно в прошлое

Несмотря на глубокую осень, в кои-то веки выглянуло солнце. Я приподнимаю шторку кареты, чтобы посмотреть, как зазолотилась природа.

Моё сердце наполняет волнение за Ингвара, которому предстоит провести без меня три дня. Но я доверяю его учителям и гувернанткам, к тому же, мой мальчик умён не по годам. Да и Аделаида, насколько отвратительная свекровь, настолько же любящая бабушка. Сыну ничего не грозит.

Руби устроила настоящий разнос. Она не соврала: Эйван был готов пойти на любые условия, лишь бы дорогая старшая сестра оставила его в покое. Возражения Аделаиды он легко заткнул, даже не выслушав мать, настолько у него болела голова после разговора с сестрой.

Не могу удержать улыбку. Даже если в Академии мне не помогут, я рада просто вырваться из дома на время, оставив позади заботы и размышления об Эйване и поступках Лисанны. Эта передышка мне просто необходима.

С Руби дорога проходит легко и приятно. Она травит байки о своих сражениях с пиратами на морских границах Ристайла, иногда мы пускаемся в воспоминания об учёбе в Академии или о том, как мы это самую Академию обороняли. Во время драконьих войн её нейтралитет пытались нарушить, и студенты, мы в том числе, отстояли священные стены храма знаний.

Кажется, это было в другой жизни. Сейчас я не смогла бы и копьё удержать.

Даже прыжки через порталы не кажутся утомительными. Кучера сменяют друг друга, а мы с Руби спим прямо в карете, не тратя время на ночёвки в тавернах.

И уже на рассвете я вижу очертания стен Академии, что размахом больше напоминает город. Она словно утопает в облаках, раскинувшиеся вокруг горы служат её надёжным укрытиям, а шпили множества башен будто пытаются дотянуться до солнца.

Я и забыла, какое это величественное место.

Мы поднимаемся по мраморным ступеням прямо к гостеприимно распахнутым воротам. Всюду слышится смех и гомон сотен студентов. Воспоминания захлёстывают меня с головой, но не следует сейчас предаваться им: у нас много дел и не так много времени.

Прежде всего нам нужно получить временный пропуск на свободное пребывание в Академии, потому мы сразу идём в приёмную ректора. Сам он не нужен нам, не стоит дёргать главу Академии по таким мелочам, а вот его секретарь должен озаботиться приёмом гостей.

В коридоре Руби натывается на знакомого преподавателя, который узнаёт бедовую драконницу, вечно встречающуюся в переделки. Оставляю её перекинуться парочкой слов с пожилым драконом, а сама захожу в приоткрытую дверь приёмной, предварительно постучавшись.

И каково же моё удивление, когда за широким столом я вижу знакомое лицо. Ну просто неделя встреч какая-то!

– Тиора? – изумлённо восклицаю я.

Бывшая одногруппница и соседка по комнате поднимает взгляд от папок с документами. Завидев меня, она тут же оставляет их и вскакивает.

– Вилле! С ума сойти, сколько лет сколько зим!

Мы неловко, но радостно обнимаемся, с интересом разглядывая друг друга.

– Ты совсем не изменилась! – говорю я эльфийке, и не вру. Даже её каштановые кудри как будто лежат так же, как в день нашей последней встречи. – Неужели ты секретарь тут? А как же целительская карьера?

– Накрылась, но я не жалею. Тебя не узнать! – восклицает она. – Ну ты и обабилась!

Осекаюсь, стараясь дальше вежливо улыбаться. Тиора и сама спохватывается и торопливо поправляется:

– Я имею в виду, стала настоящей женщиной, а то раньше помню: волосы распустила, взгляд дикий и носишься со своим копьём по всей Академии! Ну, это всё дурное влияние твоей рыжей подружки.

– Привет, Тиора-а, – нараспев произносит Руби, выглядывая из-за двери.

Тиора охает, отводя взгляд. Она всегда была слишком суетливой и прямолинейной, из-за чего многие её не любили.

– Вы к ректору? – эльфийка явно пытается перевести тему. – Его нет, к сожалению. К нему записываться надо заранее.

С улыбкой вспоминаю ректора Андвари, старого подземного гнома с бородой такой длинной, что он обматывал её вокруг талии. Ворчливый, но бесконечно мудрый старик. Интересно, если бы я заглянула поздороваться, узнал бы?

– Нет, ректор нам не нужен, – произношу я. – Только пропуска в библиотеку и учебное крыло. Мы ищем Веспулу.

– Без проблем, – тут же расплывается в улыбке Тиора. – Это быстро. Поторопитесь, пока ректор не пришёл. Он не любит, когда его отвлекают.

– Вот как, – ехидно произносит Руби, и я не понимаю их обеих. Как будто они обе знают что-то, чего не знаю я.

– Давно аллор Андвари стал таким нервным? – удивляюсь я вслух.

Тиора начинает копошиться быстрее, чуть не роняя перо, когда подписывает пропуска.

– Вот, прошу, – она чуть ли не насильно пихает бумажки нам в руки. – Ну, рада была повидаться.

– А я бы всё же осталась, – снова тянет Руби, улыбаясь, как сущий демон. – Кто знает, может, ректор будет нам рад?

– Он до завтра не вернётся, – качает головой Тиора. – В другой раз повидаетесь.

Из кабинета ректора слышится звук. Кажется, сдвинулось кресло. Руби склоняет голову к плечу, щуря глаза.

– Кто же это там? Никак воры? Или ректор через окно вернулся, а ты и не заметила? Тц-тц-тц.

Вопреки заверениям Тиоры, дверь ректорского кабинета распахивается, и я слышу до боли знакомый голос, от которого всё внутри переворачивается, рвётся, а затем завязывается в узел:

– Тиора, подготовь докладные за неделю, у меня есть полчаса, чтобы их подписать. Вильгельмина...?

– Райден, – шепчу его имя, как шептала вечерами десять лет назад, как заклинание, что даёт силу.

Я сказала, что Тиора не изменилась? Ерунда. Вот кто остался прежним. Разве что пепельные волосы стали длиннее. Но я узнаю аквамариновые глаза, резко очерченные скулы и благородный профиль Райдена Нейви.

Он всегда был таким высоким? Едва помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.